

Александр Михайловский
Юлия Маркова

16+

В закоулках МИРОЗДАНИЯ

В закоулках Мироздания - 1

Юлия Маркова
В закоулках мироздания

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Маркова Ю. В.

В закоулках мироздания / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

ISBN 978-5-5321-1252-0

Кто мог подумать, что для четырех детей и воспитательницы из детского лагеря поход в горы обернется падением в иной мир, полный неведомых опасностей? Но там же оказывается и группа спецназа ГРУ, которая и берет их под свою опеку. В этом магическом мире творятся нешуточные страсти – античные боги борются за власть, а степные амазонки воюют с фашистами-дьяволопоклонниками. Резкие повороты сюжета, наполненные красочными сражениями и экзотическими приключениями, делают эту книгу по-настоящему непредсказуемой.

ISBN 978-5-5321-1252-0

© Маркова Ю. В., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Часть 1

Каждому из нас свойственно мечтать о необычном. Мы делаем это тайно или явно; но наш рациональный ум всякий раз убеждает нас в том, что чудес не существует. Но мы все же не доверяем ему до конца, лелея в душе робкую надежду, что волшебные миры есть, они совсем рядом. Рядом – но нам не дано туда попасть по какой-то причине; возможно, таковы законы Мироздания. Но всем знакома эта тоска по ускользающим полугрезам-полувоспоминаниям, что порой неожиданно, ниоткуда, словно невесомые прозрачные бабочки, вдруг посетят наш разум... А странные сны, полные мистических, но потрясающе логичных событий? В чудо поверить очень легко, потому что мы рождаемся с этой верой. Даже самый заядлый скептик в глубине души мечтает столкнуться с чудесным, но он стыдится собственных мыслей – и именно потому желает казаться скептиком.

Но никто не в силах доказать, что чудес не существует в принципе. Если мы живем в нашем мире по определенным законам, почему бы не предположить, что в иных мирах, в непознаваемой бесконечной Вселенной, в других, неведомых закоулках Мироздания, существуют несколько иные законы и закономерности?

Порой отголоски этих миров доходят и до нас в виде необъяснимых явлений. Ведь миры эти взаимосвязаны, составляя как бы бесконечное множество этажей единого здания. И над всем этим властвует воля Творца, которую постичь невозможно. Но Творец, вложивший в свои творения частичку себя и тем самым наградивший нас чертами своей личности, дает и нам некоторую возможность творить и созидать. Иногда он даже позволяет заглянуть за грань...

Но кто же те избранные, которым дано не только приоткрыть завесу над тайнами Мироздания, но и проникнуть за пределы привычной реальности? Какими качествами нужно обладать, чтобы менять судьбы миров? Ответ прост – нужно лишь быть собой. И нести в душе то, что угодно Творцу – доброту, справедливость, верность и любовь, щедро делясь этим со всеми, кто достоин. И помнить, что миры покоряются не только силой оружия, но и великодушием, и состраданием, и величием разума.

* * *

**23 июня 2016 года, детский лагерь «Звездный путь» где-то на Среднем Урале.
Анна Сергеевна Струмилина, 26 лет, руководитель кружка «Умелые руки»,
рукодельница и вообще затейница.**

– Анна Сергеевна, а мы что, теперь совсем-совсем в поход не пойдём? – из-под светлого чуба на меня грустно-вопросающе глядели два серых глаза. Одиннадцатилетний Димка Абраменко, исключительно умный и воспитанный мальчик, он первый раз приехал в лагерь, завороженный сильно приукрашенными рассказами друзей о походах и приключениях.

Я вздохнула. Мои ученики, все сплошь умнички и таланты, с надеждой ожидали моего ответа и мне очень не хотелось огорчать их, но, видимо, придется.

– Ребята, – произнесла я, – вы, наверное, уже слышали о том несчастном случае, который произошел недавно в одном из детских лагерей. Теперь лагерь строго проверяют, а все походы пока запретили. Давайте подождем, может быть, вскоре походы разрешат снова. А пока... нам ведь и без походов здесь интересно, правда?

Несмотря на мою наигранную бодрость и улыбку, дети издали дружный разочарованный вздох. Я их понимала. Дети мечтали о походах. Что там говорить – расстроены были все, кто работал в лагере. Надо же было случиться этому происшествию с байдарками! Теперь, после гибели детей на Сямозере, во все лагерь будут направлены строжайшие комиссии с провер-

ками. К несчастью, у нас не имелось инструктора по туризму, а выводить детей за пределы лагеря при отсутствии такого специалиста строго запрещалось. Однако этот запрет частенько нарушался и детей из старших отрядов водили в полудневные походы в сопровождении двух физруков и воспитателей. Теперь даже такие походы нам, похоже, не светят. Сегодня на утренней планерке для педагогического состава Вера Анатольевна, начальница, после того как разъяснила обстановку, сказала, грозно сверкая стеклами очков:

– Итак, надеюсь, вопрос с походами достаточно ясен. Теперь хочу особо предупредить – я не потерплю никакой самостоятельности. Никаких чтоб мне «мы недалеко, только за ограду, травок нарвать». Я понимаю, что дети просятся, они же на походы рассчитывали. Займите их, поиграйте, чтоб не скучали. Когда дети начинают скучать, это очень опасно, потому что тогда они могут попытаться самовольно выйти за пределы лагеря. Поэтому, сейчас, в данной ситуации, их нужно строго контролировать. Анна Сергеевна, – суровый взгляд начальницы устремился на меня, а вслед за ним – и взгляды всех присутствующих, – хочу к вам обратиться особо. Никаких партизанских вылазок с детьми за шишками, за корягами, за камушками, и так далее. Раньше я сквозь пальцы смотрела на ваши «предприятия», но теперь, учитывая ситуацию, я вам запрещаю брать детей за территорию лагеря. Вам понятно?

Я кивнула. Это хорошо, что начальница знает далеко не все о наших «партизанских вылазках». Все эти шишки и коряги были лишь для отвода глаз. На самом деле я, взяв человек десять самых верных кружковцев, ходила с ними в самые настоящие походы, показывая разные удивительные места. Ходили мы, правда, недалеко, так как при нашем отсутствии более двух часов могли возникнуть ненужные вопросы. Мы посещали Серебряный родник, Холм Скорпионов, побывали в живописном дачном поселке, где познакомились с местными ребятами и попрыгали на батуте. Детям нравилось ходить со мной по окрестностям. Затаив дыхание, они слушали удивительные истории, которые я сочиняла тут же, на ходу, выдавая их за легенды. И я тоже получала большое удовольствие от общения с моими маленькими учениками. Они часто советовались со мной и доверяли свои сокровенные тайны. Некоторые из них тоже были большими фантазерами и талантливыми рассказчиками. Часто, глядя на них, я думала – куда же деваются потом эти прекрасные дети, верящие в доброту, искренние и участливые, наивные и открытые – в кого они превращаются, когда вырастают? И не находила ответа.

Я так и не завела себе друзей среди сотрудников лагеря. Хорошие, приятельские отношения сложились лишь с двумя тетками – такими же, как и я, кружководами, моими соседками по комнате. Одна вела кружок кройки и шитья, а другая занималась макраме. Компанейские тетки, обеим под пятьдесят; мы каждый вечер устраивали чаепития (а изредка и винопития), где мои славные коллеги делились веселыми историями из своей жизни. Ну и еще была у меня одна приятельница среди воспитателей – мы с Инкой учились когда-то в одном классе, и она всегда восхищалась моими творческими способностями, но все же были мы с ней слишком разными, чтобы стать хорошими подругами. Остальные же относились ко мне по большей части нейтрально, считая в лучшем случае чудачкой, а некоторые особо обиженные жизнью даже называли «чокнутой», что не могло не льстить моему самолюбию. О том, что кое-кто из сотрудников столовой наградил меня этим эпитетом, мне с горьким негодованием сообщила Яна, девочка из детдома, очень привязавшаяся ко мне и ходившая за мной повсюду как хвостик – она нечаянно услышала разговор двух поломоек. Я же в ответ расхохоталась и сказала, что мне очень приятно узнать об этом.

– Почему приятно? – потрясенно спросила Янка, – они же вас обозвали...

– Ну, это они так думают, – ответила я, – а я принимаю это за комплимент. Подумай сама – как еще могут назвать глупые люди человека, не похожего на них, обладающего тем, чего у них нет, умеющего делать то, что им недоступно? Которые еще и завидуют? Чокнутыми, сумасшедшими обычно называют неординарных людей, с нестандартным образом мышления. На самом деле их оскорбление – это признание моих достоинств, а я могу только пожалеть

их, что они заняты лишь своей мелочной злостью, и ни на что другое больше не способны. Их жизнь скучна и однообразна. Вот если бы достойный человек стал меня критиковать, я бы задумалась, потому что умные люди не говорят попусту, и, между прочим, предпочитают высказывать свое мнение в глаза. А так даже и в голову брать не стоит. Поэтому никогда не обижайся, если глупые люди говорят о тебе плохо, а принимай это как комплимент.

И я улыбнулась и обняла ошарашенную и глубоко задумавшуюся Янку.

Вечером, после ужина, я отправилась в нашу кружковую комнату, чтобы немного прибраться. Я расставляла по полкам новые поделки моих учеников, развешивала по стенам рисунки. Издалека доносились звуки музыки – дискотека была в разгаре. Раздался робкий стук в дверь и вслед за этим вошли два друга – два Димки, Абраменко и Федорчук. Они познакомились уже здесь, в лагере, и теперь были неразлучны. Эти мальчики никогда не хулиганили – их, похоже, не занимали сомнительные проделки. Они, как я заметила, много разговаривали друг с другом, обсуждая какие-нибудь фильмы, книги или передачи. О многих, неведомых мне, вещах, они рассуждали со всей компетентностью и знанием дела. То они горячо спорили о том, почему вымерли динозавры, то – как можно выйти на контакт с инопланетянами, то – существовала ли Атлантида. Я прямо диву давалась, до чего это были любознательные и эрудированные мальчики. На фоне остальных они были прям как два малолетних профессора. Я, чтобы они не путались, стала называть их по-разному. Флегматичный, коренастый, веснушчатый Димка Абраменко так и остался Димкой, а второй, худощавый и смуглый, кареглазый его друг стал для меня Митей.

И вот они стоят передо мной и нерешительно мнутя, желая, очевидно, что-то сказать – наверное, как обычно, хотят, чтобы я помогла разрешить какой-нибудь спор, высказав свое авторитетное мнение.

– Э-э... добрый вечер, Анна Сергеевна, – наконец решается Димка, помаргивая своими огромными и ясными серыми глазами.

– Добрый вечер, гаврики! – отвечаю я, приветливо улыбаясь – мне, действительно, всегда приятно их видеть – интересные ребята.

– Может, вам помочь? – предлагает Митя, как настоящий рыцарь. Он вообще очень любит помогать, причем действительно помогает, а не крутится под ногами, этому мальчику (впрочем, как и второму) я бы доверила что угодно. Но помощь мне была не нужна, я уже почти все закончила, и я говорю:

– Спасибо, мои хорошие, я уже прибрала и собираюсь уходить.

Они опять переминаются с ноги на ногу, и я чувствую, что пришли они ко мне с важным делом.

– Ну, выкладывайте – что там у вас, – говорю я и с серьезным видом сажусь за стол, сложив перед собой руки, показывая, что никуда не тороплюсь и готова уделить им столько времени, сколько понадобится, – я вас очень внимательно слушаю.

Димки заговорщически переглянулись, после этого Митя произнес:

– Анна Сергеевна, мы хотели насчет похода поговорить...

Стоящий рядом Димка кивнул. Потом они опять переглянулись и выжидательно уставились на меня.

– Так, понятно, – ответила я, хотя ничего мне было не понятно – вроде все уже сегодня объяснила насчет походов, какие еще могут быть вопросы, – а можно поподробней?

Димки явно нервничали – видимо, долго решались ко мне прийти, но наконец Дима, как более дипломатичный, начал излагать суть вопроса:

– Помните, вы нам про пещеру Проклятого Принца рассказывали?

– Помню, – кивнула я.

– И вы еще хотели нас туда сводить, но говорили, что далеко... Ну так вот... Может быть... мы все же сходим туда?

Выложив наконец то, зачем они сюда пришли, мальчишки напряженно замерли, глядя на меня как-то умоляюще-испуганно. И я, видя их милые вопрошающие мордашки, просто не смогла ответить то, что следовало, то есть: «нет, и еще раз нет», тем самым разочаровав их и убив всякую надежду. Я, помолчав немного, осторожно сказала:

– Ну и как вы это себе представляете? Я же вам все объяснила сегодня. Втихаря точно не получится – сами догадываетесь, какой сейчас усиленный надзор будет за вами.

Видя, что я не говорю твердого «нет», мои гаврики приободрились и с облегчением разулыбались.

– Я все продумал, – гордо заявил Димка, – у меня есть отличный план.

Он даже покраснел от волнения, готовясь изложить свою идею. Я не сомневалась, что план Димки, как всегда, гениален, но совершенно неисполним.

– Что ж, выкладывай, – сказала я и устроилась на стуле поудобнее. Вот сейчас мягко раскритикую его выкладки и вопрос на какое-то время будет исчерпан.

– Значит, так... Вы говорили, что до этой пещеры идти примерно два с половиной-три часа, ну и обратно столько же. Мы отправимся после обеда, у вас же занятия только до двенадцати. Наш воспитатель, Инна Павловна, ведь ваша подруга, вы нас у нее на сончас отпросите, как будто вам надо помочь в кружке, а вместо этого мы с Митькой потихоньку, по одному, перелезем через забор и спрячемся в овраге. Вы тоже потихоньку, чтоб никто не заметил, подойдете туда, и мы пойдем сначала по оврагу, а потом, когда зону видимости из лагеря пройдем, вылезем и направимся к пещере. Когда сончас кончится, конечно, увидят, что нас нет, но вы позвоните Инне Павловне и скажете, что пусть не беспокоятся и наш полдник возьмут, а мы решили не терять время и пойти репетировать сценку или танец на конкурс, а вы же знаете, что все в секретных местах репетируют, чтобы сюрприз был. Например, мы скажем, что мы около старого корпуса репетируем. Там место заброшенное и никто не ходит. Инна Павловна довольна будет – она нас очень сильно уговаривает всегда принять участие, а мы не хотели. А мы как раз успеем до ужина сходить, если быстро пойдем. Я все рассчитал – два с половиной часа туда, столько же обратно, еще час, чтобы в пещере полазить. Ну вот...

Димка замолк. Я молчала, в задумчивости глядя на маленького, но великого комбинатора, и, хоть убейте, не видела в его плане существенных недостатков. В конце концов, пойдем-то мы всего вторым, так что, может, если и заподозрят что-то, сумеем выкрутиться. Мда... Заманчиво, конечно. Мне ведь тоже нелегко было отказаться от намерений прогуляться до той пещеры – черт ее знает, как она на самом деле называется – это уж я сама красивую байку про принца придумала, а весь лагерь ее уже активно из уст в уста передает. Если честно, я никогда не бывала у этой пещеры, но, по рассказам других, найти ее можно было без особого труда – нужно все время идти вперед и вверх по ущелью, а дойдя до небольшого водопада, поднять голову – и сразу увидишь ее темный таинственный зев. Мне показывали фото – ничего так, колоритная пещера, хотя, говорят, внутри совсем маленькая – пятнадцать человек едва вмещает. Потом до нее еще по скалам надо карабкаться, но вроде там не очень опасный подъем.

Я, размышляя, машинально постукивала пальцем по столу, а Димки в ожидании моего вердикта, замерев, внимательно вглядывались в мое лицо.

– Ну как вам план, Анна Сергеевна? – наконец решился спросить Митя.

Что им ответить? Не пожалее ли я, что согласилась? Ведь выпрут из лагеря, как пить дать выпрут – и не поможет годами наработанная репутация «отличного специалиста, талантливого педагога и ответственного работника».

Я тяжело вздохнула. Ну, выпрут – да и фиг с ним. В другой лагерь устроюсь. Но соблазн слишком велик, тем более при наличии такого хорошего плана...

– План весьма недурен... – медленно и задумчиво произнесла я.

И тут Димки, по моей улыбке поняв, что я в принципе согласна, радостно запрыгали и завопили:

– Ура!!! Мы идем в поход!

– Тихо вы! – шикнула я, – если о нашем разговоре станет кому-нибудь известно... – я покосилась на дверь и мальчишки, мигом примолкшие, тоже бросили в сторону двери насто-роженные взгляды.

И вдруг в эту самую дверь постучали...

Мы втроем аж подпрыгнули. Ну все, подслушали нас – да ничего удивительного, полный лагерь директорских стукачей, шестерок паршивых, только и мечтающих о том, как дискредитировать добропорядочную и уважаемую Анну Сергеевну и поспособствовать ее опале. Спят и видят, как она, выгнанная с позором, печально бредет вдоль дороги со своим большим серым чемоданом...

– Войдите! – громко сказала я тоном приговоренной к гильотине королевы.

Дверь осторожно приоткрылась и мы все хором с облегчением выдохнули: «уфф...», увидев вздернутый носик, светлые косички и застенчивую улыбку.

– Можно к вам, Анна Сергеевна?

– Конечно, Яна. Заходи! – улыбнулась я.

Янка робко вошла, кивнув мальчикам.

– Извините меня, если помешала, я просто мимо шла и увидела, что у вас свет горит, и решила зайти, может, вам чем-то надо помочь... – мерным речитативом заговорила она, глядя на меня и часто моргая.

Врет же, зайка белобрысая, краснеет, но врёт... Наверняка ведь специально ко мне шла. Тянется ко мне, при каждом удобном случае приходит пообщаться, да и я не против. Яна славная девочка, воспитывается в детдоме уже два года, и, как-то разоткровенничавшись, она рассказала мне много ужасов о своей предыдущей жизни с родителями-алкоголиками. Талантами особыми Яна не блещет, но она очень славный ребенок – доверчивая, добрая и послушная, застенчивая и немного замкнутая, а вот хитрить и притворяться абсолютно не умеет, и я считаю это большим достоинством – сама такая. Эта девочка была похожа на маленького пугливого зайчика – сходство дополнялось крупными передними зубками, и мне нравилось видеть у нее эту трогательную заячью улыбку, поэтому я часто смешила и веселила ее.

– Подслушивать нехорошо, – буркнул Димка, хмуро глядя на девочку.

Та покраснела еще сильнее.

– Я не... То есть, я боялась зайти и нечаянно услышала... – пробормотала Янка, и ее глаза подозрительно заблестели, – простите меня, пожалуйста...

Она виновато опустила голову и тут уж я не выдержала и поспешила ее успокоить:

– Яна, ничего страшного, что ты услышала наш разговор. Я верю, что ты не подслушивала специально. Но ты ведь умеешь хранить тайны?

Ее не успевшие выкатиться слезы тут же высохли и она заверила:

– Да, конечно, я умею. Я никому не расскажу, что вы в поход собираетесь...

Тут я прижала палец к губам и Янка уже шепотом добавила:

– Но только можно... можно и я с вами?

Я взглянула на мальчишек. Те пожалы плечами, показывая, что они, в общем-то, не против. Ладно, так уж и быть, я тоже очень даже за. Одним человеком больше – ничего страшного.

– Можно, – ответила я и с удовольствием увидела ее счастливую улыбку и искрящиеся радостью глаза.

Теперь настало время обсудить все детали нашей авантюры.

Мы решили отправиться в самые ближайшие дни. Нужно было переждать период, когда в наш лагерь начнут заезжать разные комиссии с проверками. Последующие дни заговорщики ходили в приподнятом настроении, то и дело обмениваясь между собой многозначительными взглядами.

* * *

**24 июня 2016 года, Вечер, где-то в горах Среднего Урала.
Адепт Нечистого и сын Вечной Тьмы.**

Я уже не помню, кем я был раньше и как меня звали. Во время последнего Перерождения, когда в меня попала та дурацкая пуля, остатки человеческой оболочки слезли с меня лохмотьями сухой шелухи – и я забыл все. Скоро я уйду из этого мира, потому что мне здесь больше нет места, и Вечный Оппонент моего Темного Господина, сияющий невыносимым для таких, как я, светом, уже поднял на облаву своих свирепых псов. Мы с немногими малыми моей стаи едва ушли от той облавы, перебив всех, кого только можно; и только равный мне по силе, но противоположный по знаку, Адепт Сияющего сумел поставить такую защиту, через которую я не смог пробиться. Он спасся, и теперь поднимет против меня настоящих волков, которые будут гнать меня, пока не загонят в угол и не прикончат. Но я им не дам. Окончательно сбросив остатки человеческой природы, теперь я чувствую, где находится место с Дверью, через которую я смогу уйти в Нижний Мир – туда, где правит сущность, родственная моему Темному Господину.

Я и сопровождающие меня малые уходим пешком по горным тропам. Надо спешить; до Выхода еще далеко, а погоня в любой момент может упасть мне на след. Комья земли летят из-под ног, пот заливает глаза; я слышу хриплое дыхание тех малых, что сопровождают меня, не ведая, что они обречены. Ведь моя наивная паства всегда послушно следует за мной, находясь под властью внушенной идеи, что они разделят со мной благословение Тьмы... Но когда кто-то из них слабеет, я выпиваю его жизнь до конца и бросаю пустую иссохшую оболочку.

Звук собственных шагов гулко отдается у меня в голове, но он не может заглушить Зов. Это зовет меня Тьма. Тьма, которая избрала меня и дала мне Силу. Тьма, что направляет меня сейчас туда, где уже никто не сможет достать ее избранного Сына. Там, по другую сторону Выхода, меня ждет обещанное – безраздельная власть и могущество...

Власть и могущество! Лишь ради этого я храню верность Тьме. Разве есть на свете вещи поительнее этих? Оставшееся в прошлом серое человеческое существование не принесло мне ничего, что могло бы наполнить мою душу. И отныне душа моя безраздельно принадлежит Тьме. Я отрекся от своего человеческого имени; Тьма дала мне другое имя – гордое и устрашающее. И я отменил свое прошлое существование и родился заново сыном Великой Тьмы, и лишь смутные воспоминания о человеческом бытии иногда беспокойным призрачным облаком проплывают передо мной...

Подобно собакам, со всех сторон обложили меня преследователи. Глупые, глупые псы! Ваши жалкие попытки закончатся ничем. Ибо нет у вас той Силы, что есть у меня. Вы не смогли одолеть меня раньше, не сможете и сейчас. Вам не удастся умирить меня. Лишь бы воспользоваться Выходом до того, как Адепт Сияющего направит на меня мощь своего покровителя. Ничего, я успею, должен успеть...

* * *

**25 июня 2016 года. Все тот же детский лагерь, Накануне.
Анна Сергеевна Струмилина.**

Большой тарарам начался уже прямо с утра. К нам приехали сразу две комиссии – одна там бухгалтерию проверяла – ну, это обычное, легко решаемое дело – накормили-напоили дорогих гостей, откат преподнесли – и счастливого пути, нам не страшен серый волк, воровали и будем воровать – ой, ну то есть экономить в свой карман. Все всё знают, а бороться с этим бессмысленно – всегда так было, есть и будет. Ну поворчит вслух у раздачи Анна Сергеевна,

что чай несладкий, булочка маленькая, а мясо жилистое – так она ведь чокнутая, и вообще скандалистка, начальство давно бы от нее избавилось, да работник она больно незаменимый – кто все оформляет и украшает художественно, выдает оригинальные идеи, помогает сценарию писать, гримирует и костюмы мастерит, внося важный вклад в обеспечение призовых мест на фестивалях и конкурсах?

Вторая комиссия проверяла санитарное состояние, приехала она уже после обеда. Ну, тут-то у нас всегда все в полном ажуре, но все же, чтобы почтенная комиссия не утруждала себя лазанием за плинтусами с носовым платком, им тоже оказывают сердечное гостеприимство с богатым столом и пухлым конвертиком. Ну, может, не настолько уж и пухлым, потому что грубых нарушений у нас быть не может – наша директор ярый фанат чистоты, она даже траву вокруг кружковой заставляет выдергивать, искренне считая невинные растения самой что ни на есть грязью – уж не знаю, что ей эта трава плохого сделала, но ненавидит она ее люто. Есть, наверное, причины, раз она, проверяя территорию самолично перед приездом комиссии, увидев хоть несколько чахлах травинок, впадает в неистовство и начинает верещать визгливым фальцетом:

– Анна Сергеевна, почему так грязно вокруг кружка?!

А там все чисто и выметено, дети вместе со мной с утра пытели на уборке. На мой недоуменный вопрос «где?» следует такая же визгливая тирада:

– Трава! Ужас просто, вы разве не видите – все травой заросло! Отвратительно! Немедленно убрать! – и брезгливо морщится, словно там не три несчастные травинки, а лужа блевотины.

Так что осуществить нашу секретную вылазку в тот день оказалось невозможно.

Но главный шухер начался через день. Приехала так называемая координационная комиссия, призванная проверять сотрудников лагеря на соответствие занимаемой должности. Они, конечно, каждый год приезжают, и шерстят, надо сказать, неслабо, но в этот раз, в свете произошедших недавно событий на Сямозере, мы имели все основания трепетать от страха в ожидании проверки дипломов, штудирования рабочих планов и каверзных вопросов.

У нас, у кружководов, все прошло гладко – мы своей должности точно соответствуем, и долго нас не мучили. А вот воспитатели тряслись не зря. Им устроили целый экзамен, и рассматривали дипломы чуть ли не под микроскопом. В нашем лагере эти проверяльщики задержались аж до четырех часов вечера. И к этому времени мы все уже знали главную, но не особо удивившую нас новость – воспитатель Антон Витальевич уволен. Возле столовой, куда отряды подтянулись на полдник, я разговорилась с Инкой.

– Представляешь – зловещим шепотом сообщила она мне, деля большие глаза, – он оказался настоящим педофилом!

– Что за глупости! – фыркнула я, – не может быть!

Конечно же, это было полнейшей нелепостью. Антон, конечно, придурок и мямля, но никак не педофил – сколько лет его знаю, не замечала за ним подозрительных наклонностей.

К нашему шушуканью присоединилась стоящая рядом Оксана Александровна – вредная сухощавая тетка, воспитатель первого отряда:

– Еще как может! У него в компьютере целую папку с детской порнографией нашли!

Вот ведь гадкое существо – аж глаза горят от возбуждения – еще бы, представилась возможность посмаковать такую вкусную, пикантную новость. Знала я эту мымру очень хорошо и старалась держаться от нее подальше – она была как раз из тех людей, что будут приветливо улыбаться тебе в глаза и делать комплименты, а только отойдешь – тут же с другими начинает поливать тебя помоями. А она с азартом продолжила:

– Он ведь и к девочкам домогался! Вы представляете – он заставил одну девочку спать в его комнате!

– Неужели? – поразила Инка.

Оксана Александровна стала выкладывать нам подробности, аж раздумываясь от удовольствия, не упуская ни одной красочной подробности:

– Они пришли к нему в комнату, кругом грязь, пивные бутылки валяются. Смотрят, стоит вторая кровать, и на ней детские вещи. Стали спрашивать, что это значит. Он испугался, конечно, стал что-то там лепетать, что в комнатах места не было кровать поставить, он и поселил девочку к себе, как бы временно. Они сразу заподозрили что-то и велели показать, что в компьютере. Ну и обнаружили всю эту гадость. Вызвали охрану, и сейчас этот извращенец вещи собирает. Оказывается, у него и диплом поддельный. Вере Анатольевне теперь тоже влетит, что такого работника держала.

Мне бы лучше промолчать и не наживать врага, но я не выдержала:

– Вы все это видели собственными глазами?

Она смерила меня недружелюбным взглядом и сказала:

– Что именно?

– Ну, все эти пивные бутылки и порнографию?

– Анечка! Мой отряд на втором этаже, а его – на первом. Я как раз спустилась, чтобы поговорить с горничной, и все слышала, – заявила эта мымра, – и видела, как пришел охранник, чтобы его караулить.

– Оксана Александровна, – сказала я, начиная слегка закипать – мне всегда были глубоко противны вечно подслушивающие, подглядывающие в поисках чужого грязного белья люди, – вы только слышали что-то краем уха, а уже делаете такие выводы. Может, все было совсем не так – зачем оговаривать человека. Знаете, что такое презумпция невиновности?

Теперь ее взгляд стал совсем уж нехорошим. Инка толкала меня в бок, намекая, чтобы я не провоцировала конфликт.

– Аня, ты хочешь сказать, что я вру, наговариваю на невинного человека? И чего это ты так этого Антона защищаешь, интересно? Он что, твой друг, или, может, брат? – прищурившись, ехидно спросила Оксана Александровна, и воздух вокруг ощутимо наэлектризовался.

– Я никого не защищаю, – спокойно, но твердо сказала я, с трудом обуздывая свои эмоции, – просто ненавижу сплетни и не верю непроверенной информации.

К счастью, в этот момент начали запускать в столовую, и Оксана Александровна с сожалением прервала нашу милую беседу и поспешила вслед за отрядом.

– Не связывалась бы ты с ней, – сказала Инка напоследок, и тоже направилась в столовую.

Я тоже пошла получать свою законную булочку с молоком.

Когда я вышла, на площадке у столовой происходило обычное столпотворение – воспитатели строили свои отряды, вожатые повторяли с детьми речевки и девизы. И в этот момент я увидела Антона. Он шел по дороге от корпусов в сопровождении охранника, волоча два огромных чемодана. Воспитатели, завидев эту процессию, демонстративно отвернулись. Антон выглядел как побитая собака. Его франтоватые усики топорщились, он был весь красный от стыда – почти такого же цвета, как и его знаменитая кепка, которая и была сейчас на нем. Дурацкая, нелепая кепка; но он почему-то считал, что выглядит в ней неотразимо, и старался не очень обижаться на шутников-вожатых, которые уже запустили по лагерю несколько анекдотов про его головной убор. Было заметно, что он совершенно повержен, растерян, возмущен. Для остальных воспитателей он из коллеги моментально превратился во всеми презираемого парию.

– Привет, Антон, – демонстративно поздоровалась я с ним, когда он поравнялся со мной.

– Привет, Аня, – ответил он и даже выдавил из себя подобие улыбки. Затем поставил чемоданы на землю, потирая руки. И как он вообще тащил эти чемоданы – сам как жердь, и руки как плетки.

– Уезжаешь, что ли? – спросила я, делая вид, что ничего не знаю, – почему?

Антон покосился на охранника и ответил, не глядя в глаза:

– Им показалось, что у меня с документами что-то не в порядке. Сама же знаешь, как цепляются сейчас ко всему...

– Ну-ну, давай не болтай много, – подал голос охранник, преисполненный важности, что выполняет столь ответственную миссию – сопровождать преступника на выход, – отдохнул – чемоданы в руки и вперед!

Наверное, будь у него при себе пистолет, непременно бы ткнул им в спину Антону. Я взглядом выразила ретивому церберу все, что о нем думаю, но вместо того, чтобы превратиться в горстку пепла, тот, оставив мой взгляд без внимания и лихо сплюнув через плечо, слегка подопнул сумку конвоируемого – поторопись, мол, мерзкий растлитель.

– Я сегодня в административном корпусе переночую, – сказал Антон, подхватывая свои баулы, – а завтра с утречка уеду домой.

– Ну, значит, еще увидимся, – сказала я ему вслед.

Нет, не мог быть Антон педофилом. Маленькие дети искренне его любили. Он был добр с ними, считая себя хорошим педагогом, но почему-то дети старше двенадцати лет уже не относились к нему с должным уважением. Было в нем нечто такое... То есть, правильнее сказать – не было. Не было того душевного стержня, той твердости, что делает человека по-настоящему взрослым, что вызывает уважение на подсознательном уровне – неотъемлемая часть любого педагога. И даже сама его фигура была воплощением нелепости – высокий и тощий, он носил ужасно некрасивую стрижку и чахлые усики, отращенные, очевидно, для того, чтобы казаться солиднее. При этом его длинный нос отчего-то всегда имел красноватый оттенок. В его больших водянисто-голубых глазах словно застыло выражение детской наивности и вечной виноватости. Как мужчину его в лагере никто не воспринимал, и дело было даже не в его характерной «походке танцора». Просто выглядел он как-то жалко, а поскольку мужская половина лагеря его откровенно презирала, он общался чаще с женщинами, но и они были о нем не самого лучшего мнения. Антон считал, что мир несправедлив к нему, такому замечательному, люди его не ценят, а его исключительные таланты остаются невостребованными. Собственно, точно так же считают все дураки. И Антона никто не принимал всерьез, зато он был вечным объектом для насмешек и подтруниваний, а также для блестящих лагерных пародий. Женщин близкого возраста Антон стеснялся, непринужденно общаться мог лишь с теми, кто годился ему в матери. Я не без оснований подозревала, что в свои двадцать восемь лет он все еще оставался девственником. Антон гордо именовал себя хореографом, и заветной его мечтой было открыть студию танцев. Пока же он был просто безработным, выпертым из двух дворцов культуры по той причине, что во внутренних интригах он, по своей глупости и неразборчивости в контактах, всегда оставался козлом отпущения, и теперь мог рассчитывать лишь на сезонную работу в летнем лагере. Всегда и везде все шишки падали именно на него, так же произошло и сейчас. Наверное, он даже не особо и удивился, поскольку привык считать себя вечной жертвой обстоятельств.

Но пообщаться с Антоном вечером мне толком все же не удалось. Ему позволили переночевать в дальней комнате того же корпуса, где жили и мы, с условием, что на следующий день до обеда он покинет территорию лагеря. Когда я постучалась в его комнату, намереваясь пригласить его к нам на чаепитие с целью узнать подробности происшествия, ну, заодно, приободрить и поддержать, из соседнего помещения вышел охранник, и сказал, что всякие контакты запрещены начальством. Вышедший Антон попытался было уговорить его, но суровый страж был непреклонен.

Так что я вернулась к себе, и за чаем мы с моими коллегами обсудили скандал дня. Они тоже не верили в виновность Антона – говорю же, славные тетки.

А на следующий день была запланирована наша авантюра...

* * *

26 июня 2016 года, Очень недоброе раннее утро, Подмосковье, база батальона СПН ГРУ.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, суровый мужчина 35 лет от роду.

– Серегин, срочно зайди к полковнику, – прозвучал в трубке голос адъютанта нашего командира, после чего из нее послышались короткие гудки.

Вызов к начальству, тем более в такой ранний час и в воскресенье, прозвучал для меня как гром среди ясного неба. Ведь только совсем недавно моя группа вернулась «из-за речки» и лишь вчера я закончил с написанием обязательных в таких случаях отчетов и рапортов. Вернулись, слава Всевышнему, все, никто даже не был ранен, задание было выполнено, и теперь впереди у нас был целый месяц вполне заслуженного отдыха. Но если вызывают, то надо идти, служба есть служба. Проглотив пару бутербродов, и торопливо запив кружкой крепчайшего кофе, я быстро оделся, вышел из квартиры и вскоре уже стоял у двери начальственного кабинета.

– Вызывали, Андрей Никифорович? – спросил я, просачиваясь мимо адъютанта в эту дверь, предварительно, для проформы, все же постучав.

Несмотря на очень ранний час, полковник был в своем кабинете не один. В кресле, стоящем у журнального столика в углу кабинета, сидел православный священник лет сорока в своем полном боевом облачении. Короткая с проседью борода, черная ряса до пола, четки из дерева и вызывающе нетолерантный большой серебряный крест на груди. Только это был какой-то совершенно нетипичный священник. Где, спрашивается, обычная для людей этой профессии мужская беременность, которую эти товарищи скромно умащивают себе на колени? Нет, зеркальной болезнью батюшка явно не страдал, и имел подтянутую, а скорее даже атлетическую, фигуру человека, регулярно изнуряющего себя не обжорством и пьянством, перемежающимися с постами, а тяжелыми физическими упражнениями. В свою очередь священник тоже бросил на меня оценивающий взгляд, впрочем, продолжая при этом перебирать свои четки.

Затянувшуюся было паузу прервал полковник Никитин.

– Вызывал, Сергей, вызывал, – густым басом пророкотал он, – проходи и знакомься, отец Александр, представляет здесь отдел по борьбе с тоталитарными сектами Русской православной церкви, в просторечии еще называемый инквизицией, – полковник на мгновение замаялся, но потом продолжил, – случилось так, что смежники направили его к нам, после того как сами не смогли справиться с порученной работой.

После этих слов полковника с меня, наверное, можно было писать картину полного обалдения.

– Ничего не понимаю, Антон Никифорович, – сказал я, – Белое Братство, бог Кузя, Мария Дэви Христос – кто из них настолько обидел наше родное государство, что потребовалось бросить против них целую группу спецназа ГРУ? Мы же, вроде, товарищ полковник, работу на дом обычно не берем?

– Не просто группу спецназа, Сергей, а лучшую, – вздохнул полковник, – так что ты не прибедайся. Что же касается твоего вопроса, то могу сказать, что это была не одна из названных тобой организаций, а ранее совсем неизвестная секта с сатанистским уклоном, большую часть адептов которой составляли выходцы с Украины. С одной стороны, наши коллеги из ФСБ заподозрили в них группу, направленную к нам для совершения диверсий, с другой стороны, с этой сектой и ее главарем удалось связать несколько крупных мошенничеств и нераскрытых до сих пор убийств молодых девушек и детей, весьма смахивающих на ритуальные человеческие жертвоприношения. Отец Александр был привлечен смежниками к этому делу в качестве консультанта. Насколько мне известно, кончилось все это весьма печально. Направленная для

захвата секты спецгруппа ФСБ была почти полностью уничтожена, а части сектантов, вместе с их главарем удалось скрыться в горно-лесистой местности. Об остальном тебе расскажет сам отец Александр...

– Это не просто секта сатанистов, любителей сублимировать свои влажные детские мечты о насилии, – глубоким басом произнес священник, – это такие мрази, которые действительно пошли на службу к Нечистому. Их главарь полностью утратил людской облик, обретя взамен нечеловеческие способности творить зло, по сути своей, приблизившись к тому господину, которому он служит. Никогда не думал, что самому придется столкнуться с этой гадостью в реальной жизни.

– И что же это у него за такие нечеловеческие способности, отец Александр? – с некоторым недоверием в голосе спросил я.

– Магия, экстрасенсорные воздействия, гипноз, вы можете называть это как вам нравится, – ответил священник, продолжая перебирать четки, – при виде этой твари бойцы просто теряли ориентацию и впадали в ступор, что позволяло подручным главаря секты легко их убить. Только искренне верующий человек с чистой душой и сильной волей способен противостоять таким сатанинским козням. После той операции, пусть тогда нам и удалось ополовинить эту банду, но из спецгруппы живыми смогли уйти живыми только двое – я сам и еще один боец, которого я сумел вытащить на себе.

П...ц, подумал я, насчет чистой души и сильной воли – это как раз про нас, но веруют мои ребята в основном в боевое братство и крепкое плечо товарища, не задумываясь при этом о более высоких материях. Никто из них не был замечен в истовом посещении православных храмов, при этом «Бухгалтер», то есть ефрейтор контрактной службы Горячев является атеистом, а «Бек», то есть младший сержант Шамсутдинов, так и вообще мусульманином. Да и я сам тоже никогда не являлся образцом благочестия, вспоминая о Боге только в самые горячие моменты моей бурной биографии.

Священник будто понял мои сомнения даже без слов. А быть может, все они крупными буквами были написаны у меня на лице?

– Сын мой, – нараспев произнес отец Александр, встав с кресла, – неважно, веришь ли ты сейчас в Бога, главное, чтобы Он сам верил в тебя. А Отец наш Небесный верит в тебя и твоих людей, я это вижу, и рассчитывает на то, что воинство Сатаны будет уничтожено, а сам Враг Рода Человеческого полностью посрамлен. Кроме того, теперь мы знаем, с чем нам придется столкнуться, и я смогу прикрыть от дьявольских козней тебя и всю твою команду – главное, чтобы ваши души оставались чистыми, а сердца твердыми. Это я вам обещаю, поскольку сам пойду туда вместе с вами.

– Короче, капитан Серегин, – жестко сказал полковник, взглянув на часы, – задача, поставленная нам руководством, проста, как мычание. Надо найти этих ... уродов и уничтожить их к ... матери всех до единого, пусть вам и самим придется лечь там костями. Приказ вам понятен?

– Так точно, товарищ полковник, – ответил я, разом отбросив все колебания, – приказ мне понятен.

– Тогда получите весь необходимый специнвентарь и приступайте к выполнению! – произнес полковник, вставая и протягивая мне запечатанный пакет, – тут все написано. И да хранит вас всех Бог, Сережа!

Разговоры были окончены, пора было действовать, и мы с отцом Александром покинули начальственный кабинет. Улучив минутку, я остановился, и, вскрыв пакет, быстро пробежал глазами задание. Время не ждало, самолет нашей группе был уже заказан, а на военном аэродроме под Екатеринбургом нас должен был ожидать транспортно-ударный вертолет по прозвищу «Терминатор», который и должен был доставить нас к тому месту, где мы могли бы прочно сесть банде на хвост.

Моя группа, поднятая по тревоге, ожидала нас с отцом Александром в тактическом классе. Туда же уже были доставлены цинки с патронами в спецснаряжении, то есть с серебряными пулями, ящики с особыми фотоимпульсными гранатами, дающими при взрыве повышенное количество ультрафиолета, посеребренные штурмовые ножи, а также полная тактическая экипировка для отца Александра. Не в своей рясе же ему идти с нами на задание.

Экипировался батюшка на удивление ловко, будто ему уже доводилось в жизни носить нечто похожее, хотя и отказался от табельного оружия. Мол, священнику не положено отнимать чужие жизни. На удивленные вопросы моих парней он пояснил, что он не всегда был священнослужителем, а совсем даже наоборот, пусть даже и не имел раньше отношения к нашей почтенной корпорации. Отец Александр сказал, что в прошлом он был офицером ВДВ, участником боевых действий, неоднократно раненым и награжденным. Начинать боевой путь молодым лейтенантом в декабре 1999 года вместе с генералом Ашуровым во время Итум-Калинского десанта в Аргунском ущелье, а закончил его в августе 2008-го в составе миротворческого контингента в Южной Осетии, подвернувшегося неспровоцированной атаке саакашистов, после чего был уволен из армии по состоянию здоровья, и нашел свое призвание в службе Православной Церкви, которая не могла пройти мимо такого ценного кадра. Тут мне наконец стали понятны все неувязки, замеченные мною во внешности и повадках отца Александра. Наш человек – он и в рясе наш человек.

Но вот настал момент, когда мои парни наконец узнали о сути предстоящего задания, и сперваотреагировали на мои слова о сектантах-сатанистах презрительными смешками. Мол, их, элиту племени летучих мышей, собираются послать гонять каких-то вшивых сектантов. Да это просто курам на смех, товарищ капитан.

– Тихо, парни, – шикнул на них я, – на этом деле уже погорели наши смежники из Конторы, не самые слабые, скажем так, бойцы. Так что никакого мне расслабона, пока сами не пойдем, кто и во что влип. Лучше быть осторожным и живым, чем лихим и мертвым. Это вам понятно?

– Так точно, товарищ капитан, понятно, – кивнул мой заместитель с позывным «Змей», в миру старшина контрактной службы Антон Змиев, ловко набивая при этом в автоматный магазин патроны с серебряными головками пуль, – только скажите, товарищ капитан, неужели все это правда – в смысле, дедовские сказки про серебро и нечистую силу?

– Правда, старшина, правда, – подтвердил вместо меня отец Александр, – в данном случае серебро это как раз то, что доктор прописал. Биться вам придется уже с не совсем людьми или даже совсем не людьми, которых, для того чтобы вывести из строя, требуется буквально нашпиговать свинцом, а еще лучше разорвать на части. Зато к тому же результату должно привести даже одно попадание серебряной пулей, причем в любую часть тела.

– Хорошая прибулда, честный отчет, – понимающе усмехнулся «Змей», продолжая набивать магазин, – при этом я так понимаю, что у наших конторских коллег таких боеприпасов не было?

– Ты правильно понимаешь, сержант, – подтвердил отец Александр, – тогда мы еще не знали, с чем мы действительно имеем там дело. Кроме того, их начальство позволило мне вмешаться, когда уже ничего исправить было нельзя, и это тоже был для них очень большой минус. Если бы я был там с самого начала, то, скорее всего, все повернулось бы совершенно по-иному, поскольку у меня уже получалось останавливать эту мерзость и даже поворачивать ее вспять.

– Ну, если вы так в этом уверены, – кивнул «Змей», – то мы их обязательно сделаем, кем бы они ни были. Не так ли, парни?

Парни одобритительно загудели.

– Я думаю так, ребята, – поддержал старшего товарища старший сержант Андрей Бибин, с позывным «Док», – товарищ капитан абсолютно прав – сначала сработаем гадов, кем бы они

ни были, а потом уже и будем рассуждать, что там было да как. Только вот, отче, скажите мне, как мы сможем найти этих мерзавцев и негодяев? Или нам придется обшаривать все горы наугад?

– Во-первых, старший сержант, – ответил отец Александр, – перестаньте думать об этих существах, как о сектантах, мерзавцах и негодях, но людях. Дело в том, что это только часть правды, причем меньшая часть, и к тому же уже утратившая актуальность. Сейчас это некие существа с роевым сознанием, ориентированным на возглавляющего рой бывшего вожака секты. У них нет своей воли, своих мыслей и даже своей жизни, все это им заменяет вожак, управляющий своими последователями, как зомби-марионетками и по капле выпивающий из них остатки жизни. Конечная фаза эволюции такого существа – это что-то вроде Кощея Бессмертного из русских сказок. Народ наш мудр и долгопамятен и, видимо, раньше нечто подобное в нашем прошлом уже случалось. Найти такого «Кощея» для меня довольно просто, каждый из них оставляет своеобразный след, который я ощущаю и смогу вывести вас по нему на цель не хуже любой ищейки. Не зря же я оказался инквизитором, а не приходским батюшкой или, к примеру, миссионером... К тому же этого, конкретного вожака роя я уже видел лично, и теперь смог бы взять за ним даже очень холодный след.

– Настоящая жуть, отче Александр, – с придыханием на южный манер произнесла снайпер группы, сержант Ника Зайко с позывным «Кобра», – умеете вы рассказывать страшные истории. С детства любила слушать разные ужастики про ведьм, вампиров, людоедов и прочих чудовищ...

– Слушай, Ника, – рассудительно заметил напарник снайперши ефрейтор Василий Горячев с позывным «Бухгалтер», – слушать страшные истории и попадать в них – это не одно и то же. Так что ухо нам придется держать востро, а патроны сухими.

– Какой же ты все-таки зануда, Вася, – сказала «Кобра», распахивая по карманам своего разгрузочного жилета полностью снаряженные обоймы к «Винторезу», – не понимаешь, что каждой девушке хоть иногда требуется пометать.

– Потому он и «Бухгалтер», Ника, – рассмеялся сапер нашей группы с позывным «Бек», а в обычной жизни младший сержант Равиль Шамсутдинов.

– Мечтать, конечно, не вредно, – прервал я, наконец, дружескую пикировку моих людей, – но дело все же прежде всего. Попрыгали, парни, попрыгали! Девчат это тоже касается.

* * *

26 июня 2016 года. Все тот же детский лагерь. Поход за приключениями.

Анна Сергеевна Струмилина.

С десяти до двенадцати я проводила занятия со своими учениками. Мой кружок «умелые руки» был очень популярен, и каждый день приходили двадцать-тридцать детей, чтобы порисовать, полепить, сделать интересную поделку. Вот и сейчас их было не меньше тридцати, но для каждого нашлось дело. Близилось время обеда, мои маленькие «сообщники» были исполнены радостного нетерпения, и время от времени вопросительно поглядывали на меня, и я слегка кивала в ответ и заговорщически подмигивала. Ближе к часу моя комната опустела. Мы, сотрудники, всегда обедали после детей, и у меня оставалось еще полчаса до начала операции. Я решила прогуляться за ворота до ближайшего магазинчика, чтобы купить кое-какую мелочь. Идя вдоль трассы быстрым шагом, я заметила впереди знакомую фигуру. По несуразности этой фигуры и ее унылому виду, а также по двум громадным чемоданам я узнала многострадального Антона Витальевича... Он безуспешно пытался поймать попутку. День был жаркий, и Антон, весь взмокший, обмахивался своей знаменитой кепкой, и по его замученному виду было понятно, что стоит он здесь уже довольно долго. Подойдя к нему, я сказала:

– Привет, Антон. Я думала, ты давно уже уехал.

Он нахлобучил кепку на голову и сокрушенно произнес:

– Что за проклятое невезение – полтора часа здесь стою, а никто не останавливается...

Мое любопытство пересилило необходимость спешить, и я спросила:

– Так что случилось на самом деле, почему тебя уволили?

Он немного помялся, а потом все же решил рассказать.

– Вечно мне не везет. Обвинили черт знает в чем... – начал он свое печальное повествование, – сначала эти, из комиссии, придрались, почему девочка в моей комнате спит. Я сам сгруппировался – растерялся и соврал, что некуда было кровать поставить; так они сразу выяснили, что я обманул... А на самом деле Катя пришла ко мне со слезами, сказала, что соседки по комнате ее обижают, и что она собирается сбежать из лагеря. Я ее успокоил, но она не желала возвращаться в свою комнату категорически. Ну, я и разрешил ей остаться на ночь у меня. Поговорил с ней, успокоил, сказку рассказал... На следующий день она помирилась с соседками, только вещи забрать не успела, а тут эти с проверкой... И понеслось... Увидели заставку на моем компьютере – девушку в купальнике, сразу рожки такие сделали, давай в моих файлах рыться. А меня там есть несколько красивых фотографий девушек... взрослых девушек.

– Голых? – спросила я. Надо же, как глупо запалился, я примерно так и думала.

– Ну, там всего парочка с голой грудью... – неохотно признался Антон, – Но неужели я бы стал показывать это детям?

«Дурак ты, Антон», – так и хотелось мне сказать. Но вид у него был такой жалкий... И время поджимало.

– Ладно, Антон. Я верю, что ты не извращенец.

– Обидно просто... – с горечью сказал он, и ясные глаза его были исполнены вселенской печали. Он явно не хотел меня отпускать, ему хотелось выговориться.

– Антон, извини, я спешу, – я глянула на часы.

– Куда торопишься? – поинтересовался он.

– Да мы в поход собрались втихаря, – отчего-то решила я ему признаться. Не побегит же он обратно в лагерь меня закладывать, – я и трое ребятишек из пятого отряда.

– Ого! – он улыбнулся, – а ты отчаянная. И куда собрались?

– К пещере Проклятого принца. Ну к той, что над водопадом, – уточнила я, предположив, что он мог и не слышать мою байку.

На его лице мелькнуло сожаление.

– Я бы тоже с удовольствием с вами пошел... Давно мечтал, – вздохнул он.

– А что мешает? – решила я его подразнить.

– Что мешает? – растерянно переспросил Антон.

Похоже что, мой вопрос поверг его в замешательство, и он на пару секунд задумался, а потом пожал плечами и сказал:

– Да, собственно, ничего не мешает...

– «А почему бы не взять его собой?» – подумала я почему-то, и весело сказала вслух:

– Ну так пошли!

– Ладно! – он аж просиял. – Иду с вами. Единственный плюс моего увольнения – что могу наконец пойти в поход, – он явно воспрял духом, но тут же помрачнел и спросил, – а куда же я дену свои чемоданы? Наверное, все-таки не получится...

И он снова приуныл. Что за рохля, я просто поражаюсь! Абсолютно не умеет соображать.

– Антон, – сказала я, показывая рукой на небольшую придорожную постройку с красной крышей, – ты можешь оставить чемоданы в магазине. Пронеси их еще пятьдесят метров, и попроси продавца подержать у себя часика три. Ну, сунь ему пару монет – и все дела!

На мгновение просветлев, он опять помрачнел и изрек:

– А как же я вечером смогу уехать?

– Антон, хватит мямлить! – эта его нерешительность уже начала меня раздражать. – Ты идешь с нами или нет? Сегодня воскресенье, вечером будет много попуток, люди с отдыха будут возвращаться – уедешь без проблем.

Благополучно пристроив чемоданы, мы договорились с Антоном, что он обойдет лагерь по тропинке с правой стороны и будет ждать нас у Черного камня.

В последний момент я решила внести коррективы в наш план, предупредив Инку заранее, что мы будем репетировать.

Сончас уже начался, в лагере было тихо и спокойно, и время поджимало – шел уже второй час.

– Инка, можно, я заберу моих гавриков, Димок и Яну? Надо срочно кое-что нарисовать, боюсь, одна не успею. Мы в кружке будем тихо сидеть, – попросила я, будучи почти уверена, что не получу отказа. Так и вышло.

– Конечно, забирай, – согласилась Инка, – до полдника успеете?

– Надеюсь, что успеем, – кивнула я.

Вскоре мои гаврики стояли передо мной, весьма довольные.

– А рюкзак зачем? – удивилась воспитательница, увидев, что у Мити в руках его рюкзак.

Я прямо растерялась, зная, что там у него еда и баклажка для воды, но находчивый мальчишка спокойно, ни на минуту не задумавшись, ответил:

– Да у меня тут коряги всякие интересные, я для Анны Сергеевны сегодня утром собрал.

Инка была удовлетворена ответом.

– Инна, слушай, возможно, мы действительно на полдник опоздаем, так что ты не беспокойся, наши булочки заberi, потом съедим, – сказала я, – я хочу с ними номер для завтрашнего конкурса порепетировать.

Инка очень обрадовалась.

– Правда? Было бы здорово. Наконец-то они решили поучаствовать, а то неактивные все какие-то. У нас ведь будут танцы, что за танец вы собираетесь ставить?

– Четку, – с ходу брякнула я первое, что в голову пришло, зная, что с нами идет Антон – а кто у нас, ха-ха, самый лучший в мире хореограф?

– Ой, ну вообще здорово! – еще больше засияла Инка, – будет очень оригинально. Слушайте... – ее вдруг осенила некая гениальная мысль, – а давайте я вам еще одну девочку дам, для симметрии, так сказать, да и рисовать вам поможет, – и она, даже не заметив наши вытянувшиеся от неожиданности лица, тихонько позвала, – Ася! Иди сюда!

Вышедшую на зов девочку, одетую в белую майку и красные шортики, я знала. Иногда она посещала мой кружок, но больше предпочитала заниматься танцами и спортом, и была весьма приметна. Она воспитывалась в том же детдоме, что и Яна, однако обладала совершенно противоположным характером. Очень общительная, активная, без нее не обходилось ни одно мероприятие. Мальчишки на дискотеке частенько дрались за честь пригласить ее на танец. И в этом не было ничего удивительного – двенадцатилетняя Ася была настоящей красоткой, и умела себя преподнести – редкое умение для девочки-подростка. Мраморно-белый цвет ее кожи оттеняли черные волосы, стриженные под классическое «каре», огромные карие глаза были обрамлены длинными загнутыми ресницами. Пухлые яркие губы придавали ее лицу горделиво-капризное выражение. Она была чуть повыше Яны, и имела хорошую осанку и довольно развитую фигуру.

– Вот, Ася очень талантливая девочка, – сказала Инка, довольно улыбаясь.

Я, чтобы она ничего не заподозрила, сделала вид, что просто счастлива. А что нам делать с Асей – потом решим. Я только сказала, чтоб та захватила с собой кепку, мол, день сегодня очень жаркий.

– Ладно, мы пошли, – быстро попрощалась я, и мы вышли из корпуса.

И что мне теперь было делать? Мои заговорщики бросали на меня растерянные взгляды. Что ж, придется вводить и Асю в круг посвященных. Я не очень хорошо знала эту девочку, и это меня смущало – кто знает, чего от нее можно ожидать. К тому же мне показалось, что Яна слегка насупилась. Мы дошли до кружковой и там, остановившись под деревом, я открыла карты:

– Значит так, Ася. Мы собирались тайком уйти в поход до пещеры Проклятого принца, а вовсе не рисовать и не репетировать. Теперь быстро решай – ты с нами или как, а то время поджимает. Если ты не пойдешь, то и нам теперь придется остаться.

На лице девочки явно читалась растерянность, смешанная с удивлением.

– Что, серьезно? – пробормотала она, – вы не шутите?

– Какие шутки, у нас времени мало совсем! – поторопила я, – Ну, решайся!

– Э-э... – Ася немного поморгала глазами, обдумывая столь неожиданное, но заманчивое предложение, и наконец, потрянув головой, решительно сказала, – я иду с вами!

Все с облегчением вздохнули.

– Только поклянись, что ты никому не расскажешь, – сказал Митя.

– Клянусь! – торжественно произнесла девочка, глаза которой загорелись радостным возбуждением.

– А теперь, – сказала я, – вы все, по одному, пробираясь газонами, пойдете к задней ограде, стараясь никому не попадаться на глаза. Там спрячетесь в овраге и будете ждать меня. Всем все ясно, вопросы есть?

– У меня вопрос, – сказала Ася, – номер-то мы должны подготовить... Нельзя подводить Инну Павловну.

– Вы все тут таланты и импровизаторы, – сказала я, – поэтому сделаем так – мы слегка порепетируем возле пещеры, а на сцене вы, я думаю, в грязь лицом не ударите. Я права?

Дети дружно закивали.

И вот наша авантюра вступила в активную фазу. Покинуть лагерь незаметно смогли все. Собравшись в условленном месте, мы отправились в путь. Дно оврага было каменистым, кое-где из-под камней просачивалась вода.

Отойдя на безопасное расстояние, мы вылезли и пошли по тропинке с правой стороны. Дорога уходила вверх, наш лагерь остался внизу за холмом, и оттуда нас уже не могли увидеть. По обеим сторонам высились небольшие горы с выступающими кое-где скальными породами, и чем дальше шла ложбина, тем они становились выше и скалистей, превращаясь в неглубокое ущелье. Я уже бывала здесь, но дальше Черного камня ни разу не ходила. Вскоре уже должен был показаться и этот камень. Мы старались идти быстро. Дети весело и непринужденно щебетали между собой, жадно глаза по сторонам. А кругом раскинулся великолепный вид. Склоны гор были усеяны цветущими травами, порхали бабочки и стрекозы. Под ногами стрекотали кузнечики, и воздух был напоен волнующими ароматами. Мы обогнули холм и увидели Черный камень, на котором уже стоял Антон Витальевич и в ожидании нас зорко всматривался вдаль. Издалека, в своей красной кепке, он был похож на какой-то сюрреалистический флюгер.

– А что, Антон Витальевич пойдет с нами? – спросил Дима.

– Да, – сказала я, – но когда мы вернемся в лагерь, не вздумайте ляпнуть кому-нибудь, что видели его. Дело в том, что он уволился, и уже должен был уехать домой.

– А почему он уволился? – спросила Яна, – он же хороший, даже на своем телефоне давал мне поиграть...

– Ну, наверное, у него возникли дома неотложные дела, – сказала я.

Антон приветливо поздоровался с моей командой, и мы, уже в полном составе, продолжили наш путь. Мы старались идти быстро. Длинноногий Антон шел впереди, следом Димки, за ними Ася с Яной, я же замыкала шествие, подгоняя детей, чтоб никто не отставал.

Примерно через два часа я почувствовала, что дети устали – они стали часто спотыкаться и шли уже гораздо медленнее, хотя никто и не жаловался.

– Антон, давай-ка устроим привал, – сказала я.

Мы расположились в теньке под раскидистым деревом. Димка достал баклажку с водой, все напились. Антон вытащил из своего рюкзака яблоки и раздал всем по одному.

– Анна Сергеевна, – сказал Димка, – а расскажите нам про Проклятого принца, пожалуйста. Вот Ася не слышала эту историю...

– Да у нас времени нет, сейчас встанем и пойдем, – ответила я, хотя с удовольствием бы рассказала, и сама обстановка располагала к этому.

– Ну, пожа-а-алуйста... – хором принялись все четверо уговаривать меня.

Я вопросительно взглянула на Антона, тот глянул на часы и кивнул.

– Минут десять у нас еще есть, – сказал он.

Дети расселись полукругом возле меня и замерли в ожидании захватывающего повествования.

– Слушайте, – начала я, – много-много лет тому назад у подножия этих гор, примерно там, где находится сейчас наш лагерь, раскинулась благодатная страна. И жил в этой стране один очень красивый, но своенравный принц. Однажды он гулял по городу и увидел за одним забором чудесный сад, в котором росли удивительные цветы. Он постучался, и к нему вышел старик в белой одежде, с белыми волосами и длинной белой бородой. Принц спросил, можно ли посмотреть сад, и старик разрешил. Принц восхищался прекрасными цветами, и вдруг увидел один совершенно необычный цветок. Он рос посреди сада, в отдельной клумбе, и был большой, размером с голову. Его лепестки переливались серебристыми лучами и шевелились, словно живые. Весь цветок сиял, будто внутри него был источник света.

«Можно мне сорвать этот цветок?» – спросил принц.

Но старик покачал головой и сказал, что этот цветок умрет сразу, как только его сорвут. Кроме того, тот, кто его сорвет, будет проклят, и навлечет проклятие на всю свою страну.

Но принц был так заворожен красотой цветка, что воскликнул: «Ты лжешь, старик, тебе просто жалко отдать мне этот цветок! Я принц, и ты не смеешь мне отказывать!»

И он решительно сорвал этот цветок и поспешил во дворец, чтобы поставить его в воду. Но пока он шел, цветок стал быстро вянуть. Его лепестки повисли и почернели, и сияние исчезло. Когда он добрался до дворца, в руках у него была лишь сухая черная палка. В сердцах принц бросил палку на пол, и она вдруг превратилась в черную змею и куда-то уползла. Вскоре в той стране начали происходить странные вещи. Мужчины стали терять свою силу, их мускулы высохли, и они больше не могли держать в руках оружие. Женщины стали дурнеть, они превратились в худых морщинистых горбуний, и больше не давали потомства. И тогда принц всерьез испугался и понял, что старик сказал правду. Он решил снова пойти к нему и спросить, как избавиться от проклятия. Но когда он пришел к тому забору, то увидел, что весь сад погиб, и цветы засохли. Калитка была открыта, она со скрипом качалась на петлях, подталкиваемая холодным ветром. Принц вошел, но старика нигде не было, его дом был пуст. Принц направился к тому месту, где рос цветок, но посередине пустой клумбы сидела та самая змея, и, свернувшись кольцами, смотрела на него. Принц потянулся за мечом, чтобы убить змею, но даже не смог вытащить его из ножен, потому что его мышцы тоже высохли. А змея, зашипев, стала медленно уползать. Принц решил преследовать ее. Змея же выползла из сада и заскользила по дороге, время от времени оглядываясь, словно приглашая идти за собой. Долго шел Проклятый принц за змеей. Она увела его в горы, и путь их теперь пролегал по ущелью. Вот змея стала заползать на скалистый склон, и принцу пришлось за ней карабкаться. Поднявшись до верха, он увидел перед собой пещеру, в которую заползла змея, скрывшись из виду. Недолго поразмыслив, принц решительно зашел в эту пещеру. Он увидел, что внутри, прямо на земле, сидит тот самый старик, а на коленях у него свернулась кольцами та самая змея.

«Приветствую тебя, благородный старец, – произнес принц, снимая головной убор и почтительно кланаясь, – я пришел искупить свою вину и извиниться за свое дерзкое поведение, за то, что не послушал тебя. Мой народ погибает. Прошу тебя, спаси мою страну! Скажи, что нужно для того, чтобы снять проклятие – я все сделаю.»

И белобородый старец ответил: «Вот видишь, к чему привела твоя гордыня. Теперь ты знаешь, что, прежде чем сделать что-то, надо хорошо подумать. Проклятие, то, что на тебе, очень сильное, и снять его можно лишь искупительной жертвой.»

«Я готов, – ответил принц, – скажи, что нужно сделать.»

«Ты должен умереть», – сурово ответил старец.

«Если это спасет мой народ – я готов!», – воскликнул принц.

«Но ты не просто умрешь, – произнес старец, – душа твоя не упокоится и будет страдать до тех пор, пока на земле не вырастет такой же цветок. Ты будешь хранителем этой пещеры, и твоя душа не сможет никуда отлучиться отсюда много-много сотен лет... Но твой народ будет спасен.»

«Я согласен», – сказал принц.

Старик величаво кивнул, и тут же раздался раскат грома, а змея, покинув колени старика, подползла к юноше и ужалила его в ногу. От мгновенного яда он упал замертво, успев лишь заметить, как фигура старика растаяла во мраке пещеры.

И с тех пор душа Проклятого принца является незримым обитателем этой пещеры. Страна этого принца снова возродилась, когда пало проклятие, и потомки тех людей давно разбрелись по свету. Сменялись эпохи, менялся ландшафт, наступил двадцать первый век... А Проклятый принц все сидит в своей пещере, и лишь те, кто обладает способностью к магии, могут магическим зрением увидеть в полумраке его смутный силуэт – он сидит посередине со змеей на коленях и не может выйти за пределы пещеры, и мечтает о том, чтобы на земле снова появился удивительный цветок...

– Вот и вся история, – закончила я, и сказала уже будничным голосом, – а теперь встаем и идем дальше.

Во время моего рассказа дети сидели с серьезными лицами и слушали затаив дыхание; и теперь, похоже, им не очень хотелось возвращаться в реальность.

– А мы можем его увидеть, этого принца? – спросил Димка, в глазах которого я уловила нечто, похожее на мистический экстаз.

– Ну, не знаю, – сказала я, – может быть, при наличии, как я говорила, магических способностей...

– А если попытаться вырастить такой цветок и освободить душу принца? – спросил Митя.

– Это же все сказки! – заявила Ася со всем доступным ей скепсисом. – Просто легенды, правда ведь, Анна Сергеевна? Это же все неправда?

Они все глядели на меня, ожидая ответа. Но я лишь пожала плечами:

– Кто знает... В мире есть очень много необычного и помните, что в каждой сказке есть только доля... сказки.

– Ну ладно, мы уже двадцать минут потеряли, – сказал Антон и встал первым.

Он потянулся, почему-то напомнив мне при этом худого кота. Дети тоже поднялись за ним следом.

– Как бы погода не испортилась... – пробормотал Антон, вглядываясь в горизонт. Там, над вершинами гор, начали громоздиться плотные черные тучи. В горах так бывает часто – только что беззаботно сияло солнце, и вдруг – небо затянулось, сверкнула молния и хлынул дождь. Вот только дождя нам не надо... Я очень надеялась, что гроза все-таки обойдет нас стороной.

Отдохнувшие, мы бодро зашагали дальше вдоль горного ручья, петляющего среди колючих кустов. Я старалась не думать о плохом, вот только Антон то и дело с тревогой поглядывал на небо, на которое все же медленно и неумолимо надвигалась мрачная армада туч.

Так мы шли еще минут сорок. Долина ручья сузилась и превратилась в самое настоящее ущелье, по дну которого тек бурный горный поток. Теперь вокруг нас были уходящие в небо крутые склоны, поросшие редким лесом и кустарником. В воздухе явственно посвежело, стало довольно прохладно.

Я ругала себя, что не сказала детям взять с собой теплую одежду. Небо тем временем полностью затянуло, и даже стало ощутимо темнее, будто уже наступил вечер. Издалека донесся первый грозный раскат грома, обещая испортить нам всю прогулку, а воздух явственно посвежел. Мне было, мягко говоря, очень не по себе.

«Мы, конечно, можем укрыться от дождя в пещере, – думала я, – но кто знает, сколько времени нам придется там провести... Да и что-то мне кажется, что черта с два мы успеем до нее дойти... Сейчас как польет – и что тогда делать? Ох, и дура я, авантюристка хренова, и зачем я все это затеяла? Дети уже от холода ежатся. Сейчас еще и под дождем вымокнут – и как мы будем возвращаться в лагерь – мокрые, грязные? Наверняка все заболеют... Мда, вот тебе и чечетка...»

Антон сочувственно поглядывал на меня. Жалел, видать, потенциальную сестру по несчастью. Уже, поди, представлял, как мы вместе, с нашими баулами, тормозим попутку, а нас, мокрых и грязных, опальных горе-педагогов никто не сажает...

Упали первые тяжелые капли, когда ущелье, по которому мы двигались, сделало плавный поворот, и, миновав его, мы увидели далеко впереди небольшой, но живописный водопад. А чуть выше – вот и она, наша цель – пещера Проклятого принца, гостеприимно распахнувшая свою черную пасть... На фоне темного неприветливого неба весь этот пейзаж и вправду выглядел слегка устрашающе.

– Пещера! Пещера! – закричали дети, показывая пальцами и приплясывая.

Я лихорадочно соображала, как нам поступить. Прикинула, что только до водопада мы будем добираться, если очень быстрым шагом, то минут восемь. Быстрым шагом не получится, так как тут тропа идет вверх под изрядным уклоном и к тому же вся усыпана крупными камнями. Еще и до пещеры черт знает сколько карабкаться – отсюда не поймешь, насколько сложен подъем. А дождь стремительно набирает силу – вот уже и дети поглядывают на меня с тревогой. Нет, не успеем. Только вымокнем и в грязи изваляемся.

– Так, слушаем меня, – строгим голосом сказала я, и все притихли, сгрудившись вокруг, и не сводя с меня глаз, – нам нужно где-то укрыться. Переждем дождь и продолжим путь.

Я сильно сомневалась, что нам удастся продолжить путь. В лучшем случае, если дождь будет идти минут двадцать-тридцать, на что мало надежды, мы сможем лишь минут десять полюбоваться водопадом, а в пещеру лезть уже не станем.

Мы шли вперед под усиливающимся дождем, и я смотрела по сторонам в поисках чего-нибудь, где можно хоть как-то укрыться.

– Смотрите, – сказал вдруг Антон и показал рукой направо.

Там, на склоне высокой горы, в паре метров от нашей тропинки, я увидела выступающую скалу, образующую навес, под которым как раз могли спрятаться несколько человек, а прямо напротив навеса, у самого ручья, росло высокое раскидистое дерево, обращая на себя внимание своим одиноким и независимым видом.

– Быстро туда! – скомандовала я.

Как только мы все сгрудились под выступом, прижимаясь друг к другу, словно сельди в бочке, началось нечто, похожее на светопреставление. Никогда я в жизни такой страшной грозы не видела! Небо стало почти черным и метало свирепые молнии, которые, казалось, способны рассечь пополам гору, сопровождая все это таким громыханием, что аж уши закла-

дывало. Сплошной поток воды низвергался с небес. Казалось, будто все силы ада решили разгуляться по полной, не обращая никакого внимания на несчастных путников, что дрожали от холода и страха под скальным выступом. Я сидела прямо на земле, а дети облепили меня, плотно прижавшись, сверху нас всех обнимал Антон. При каждом звуке грома, похожем на оглушительный выстрел, Яна громко ахала и вздрагивала, закрывая уши руками.

– Не бойся, это всего лишь гром, – успокаивала я ее, как могла, поглаживая по голове, хотя самой мне было тоже жутковато, – такая гроза долгой не бывает, сейчас все кончится и выглянет солнышко.

Вдруг я почувствовала у себя на животе вибрацию, и поняла, что это звонит телефон в моем набрюшнике. Еле как я вытащила его. Звонила Инка, очевидно, обеспокоенная, где мы находимся в такую непогоду. Я абсолютно не представляла, что ей сказать, во мне все еще теплилась надежда, что мы сумеем выкрутиться. Но не брать же трубку прямо сейчас!

– Во время грозы телефон надо отключать, – бесцветным голосом сказал Антон, и я тут же последовала его рекомендации.

– А мне совсем и не страшно, – сказал Митя, желая, видно, подбодрить себя, – я еще и не в такую грозу попадал! – и тут же, при очередном бабахе, втянул голову в плечи и зажмурился.

– И мне совсем-совсем, ни капельки не страшно! – Димка тоже решил блеснуть отвагой, хотя так и клацал зубами от страха и холода. – Я даже один раз видел, как дерево упало от молнии рядом со мной, я еле отбежать успел!

– А я видел, как дом от молнии загорелся! – продолжил Митя обмен информацией, пустив в ход свою богатую фантазию.

– А я зато видел, как молния камень расколола! – Димка решил не отставать от друга.

– Да ладно вам врать-то, – сказала Ася и даже презрительно хмыкнула.

Из всех четверых она держалась лучше всех, и лишь слегка вздрагивала при особенно громких ударах грома.

– А давайте песню споем, – предложил Антон.

– Д-д-давайте, – пискнула дрожащая Янка, на мгновение высунув нос из-под моей руки.

– С тобой повстречались у синего моря... – затянул Антон.

– Где брызги заката сплетаются в споре... – слабыми голосками нестройно подхватили дети.

Бабах! Все дружно вздрогнули, но продолжали петь:

– Где с шумной волною встречается ветер,

И к звездам летит танцующим эхом...

Бабах!

– Поем, поем! – подбодрила я.

– Это лето поет...

– Это лето нам дарит праздник...

И вдруг прямо на площадку перед скальным навесом откуда-то сверху скатилась темная фигура. Наша бравая песня захлебнулась, мы вздрогнули и застыли от ужаса и неожиданности, и в это время сверху с шумом свалились еще двое. Они быстро выпрямились под хлещущими струями дождя и тоже на мгновение застыли, когда поняли, что под навесом кто-то есть. Они смотрели на нас – эти люди во всем черном, с ног до головы вымазанные грязью. Один из них был очень высокого роста, очень худой, и глаза его горели зловещим красным огнем, и это было страшнее любой грозы. Яна, увидев его жуткие глаза, дико закричала, и очередная вспышка молнии почти ослепила нас – в этот момент я всей кожей, всем своим существом почувствовала невидимую смертельную угрозу, исходящую от этих кошмарных созданий. Упавший к нам первым – тот самый, с красными глазами, высокий и худой – поднял вверх руку и тут, казалось, расколол мир пополам, прямо в стоящее напротив дерево ударила мощнейшая молния, и оно мгновенно вспыхнуло как факел, несмотря проливной дождь. И хотя в моих глазах от

мощной вспышки плавали багровые пятна, я увидела, как спутники худого безвольными мешками осели на землю, а его фигура стала наливаясь зловещим красным огнем. Было так жутко, что я, впервые в жизни, едва не потеряла сознание, но тут все вокруг затопило другое, белоголубое, сияние первозданной чистоты, и глубокий звучный голос откуда-то сверху произнес:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа заклинаю тебя – изыди, Сатана!

Сияние со всех сторон охватило высокую черную фигуру, ее багровый огонь погас и существо, только что казавшееся мне таким ужасным, скрючившись, упало на землю вслед за своими спутниками, и с воем начало дергаться в корчах агонии.

* * *

26 июня 2016 года, После полудня, где-то на Урале.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич.

Как и было обещано начальством, перед моей группой был зажжен зеленый свет. Почти мой ровесник, старенький, но еще бодрый «Гольфстрим III» в попугайной раскраске какой-то частной авиакомпании всего за два часа перенес нашу группу из Подмоскovie на военный аэродром под Екатеринбургом, где мы оказались уже около полудня по Москве, или в два часа дня местного времени. А там нас уже ждал раскрутивший турбины транспортно-ударный вертолет Ми-8 АМТШ «Терминатор» с подвешенными блоками НАРов. Все уже было сказано и поэтому полет на «Гольфстриме» проходил в полном молчании. Отец Александр перебирал свои четки, погрузившись в молитвы, а я и бойцы внутренне готовились к встрече с неизвестным противником, настраивая себя на выполнение такого слишком уж необычного задания.

Всего нас в этот раз на задании было десятеро. Ваш покорный слуга с позывным «Батя», наш проводник-инквизитор, которому был присвоен позывной «Поводырь», старшина Антон Змиев – «Змей», старший сержант Андрей Бибин – «Док», младший сержант Василий Антипов – «Зоркий Глаз» со своим «Печенегом» и его второй номер Армен Васильев с позывным «Ара», сержант Ника Зайко – «Кобра» со своим «Винторезом» и второй номер снайперской пары ефрейтор Василий Горячев – «Бухгалтер», сапер группы младший сержант Равиль Шамсудинов – «Бек» и радист Семен Швец с позывным «Мастер».

Только прилетели – сразу сели, в смысле, бегом, с рейдовыми рюкзаками в основном забитыми запасом боеприпасов, которых должно было хватить на небольшую войну, под ураганным ветром из-под лопастей пробежали по разогретому бетону аэродрома от «Гольфстрима» к «Терминатору», после чего доставивший нас сюда самолет тут же снова поручил на ВПП, а вертолет, в который мы благополучно загрузились, пошел на взлет. Расположились мы в грохочущей винтокрылой машине уже по-боевому: Зоркий Глаз со своим «Печенегом» устроился в открытой двери по правому борту, Кобра заняла ту же позицию по левому борту, отец Александр, вглядываясь в расстилающийся под нами горный пейзаж, встал в кабине за спиной у пилотов, подсказывая и уточняя направление полета. Немного подумав, я встал рядом с ним.

– Они все еще там, – крикнул он мне прямо в ухо, пытаясь пересилить вой турбин, – я это чувствую. Осталось совсем немного.

Действительно, оставалось совсем немного. Неподалеку от места предполагаемой высадки на перевале между двумя горными хребтами наш вертолет был обстрелян с земли. Обстрел из нескольких автоматов велся лениво, можно сказать, без огонька, как будто стрелкам было лень целиться по воздушной цели или они не знали, как это делать. Совершив резкий маневр, вертолет вышел из-под обстрела и, развернувшись на малой высоте, прочесал кусты, из которых велась стрельба, плотными залпами НАРов, а потом сразу пошел на снижение.

Все прошло значительно проще, чем если бы мы имели дело с обычными боевиками. Ведь у тех в запасе могли бы оказаться и ПЗРК и даже крупнокалиберный зенитный пулемет, а так огонь по нам велся только из легкого стрелкового оружия. Тем временем там, куда ушли

ракеты, в воздух полетели комья земли и вырванные с корнем кусты, а еще минутой спустя, прикрывшись небольшим пригорком, вертолет неподвижно завис в воздухе и сбросил вниз десантные фалы, по которым мои люди один за другим заскользили на землю. Последними десантировались я и отец Александр. Было видно, что он действительно отслужил в ВДВ, настолько ловко и привычно это у него получилось. Права народная мудрость – старый опыт никуда не уходит и бывших десантников на этом свете не бывает.

Как только закончилось десантирование, вертолет сразу отвалил в сторону и, набирая высоту, направился к своему аэродрому. Его работа была закончена, теперь мы должны были все делать только сами. Сопротивления на земле нам оказано не было. Рой бросил свой, больше похожий на лежку стаи диких зверей, лагерь вместе с несколькими почерневшими и высохшими трупами своих бывших членов, и начал отходить вниз по ущелью по звериной тропе, проходящей по склону на пять-семь метров выше русла. Ничего человеческого в этих высохших и оскаленных мумиях уже не оставалось, по ним даже нельзя было определить не только национальность, но даже то, мужчина это был при жизни или женщина.

Не теряя ни минуты, мы волчьим скоком бросились в погоню. Сто метров быстрым шагом, сто метров бегом, потом снова сто метров быстрым шагом и снова сто метров бегом. Так тренированные бойцы могут пробежать не один десяток километров по пересеченной местности, все время находясь в готовности немедленно вступить в бой. Звериная тропа была очень узкой, зачастую проходящей через заросли ежевики и диких роз, и нам то и дело приходилось расчищать ее ударами мачете. Бегущим перед нами членам роя приходилось значительно труднее, мы то и дело находили на колючках окровавленные клочки одежды, а потом нам начали попадаться высохшие, почерневшие трупы, такие же, какие мы нашли на месте брошенного логовища. Отец Александр подтвердил нам, что расстояние до роя постоянно сокращается, и скоро мы его должны окончательно настигнуть.

Тем временем погода начала портиться, откуда-то напоз грозовой фронт и в воздухе ощутимо запахло озоном. Быстро темнело, как будто уже наступил поздний вечер, и к тому же с первым раскатом грома и ударом молнии пошел сильнейший дождь. Надвинув на глаза ноктоскопы, мы продолжили нашу погоню – мокрые, грязные, уставшие, но упорные и злые, как охотничьи псы.

После того как нам на пути попались сразу три мумии подряд, отец Александр сильно встревожился и, не объясняя причин, попросил прибавить ходу. Мы прибавили, потому что остатки роя из трех особей, одной из которых несомненно был вожак, находились уже совсем рядом, и, когда позволяли повороты тропы, то мы уже видели своими глазами их размытые дождем силуэты.

То, что произошло потом, мы все, наверное, запомним на всю оставшуюся жизнь, неважно, короткой она будет или длинной. Никакой стрельбы не было, вести огонь в такую погоду – это только зря переводить патроны, к тому же в такой сильный дождь вода может попасть в ствол и тогда при выстреле оружие будет необратимо повреждено. Мы собирались просто догнать их и взять в ножи. Отец Александр обещал нам, что посеребранный клинок легко остановит монстра, и у нас не было оснований ему не верить. Пока он постоянно оказывался прав, тем более было видно, что два последних ведомых вожака уже шатаются от усталости и вот-вот рухнут на землю. Но вожак роя не собирался допускать ничего подобного, тем более что он уже почти пришел туда, куда гнал его звериный инстинкт.

Внезапно, когда до преследуемых оставалось не более двадцати метров, под очередной раскат грома, все трое членов роя разом пропали из поля нашего зрения, будто провалились под землю, и почти сразу же откуда-то снизу раздался пронзительный и отчаянный крик ребенка, живого человеческого ребенка, невесть откуда взявшегося прямо посреди этого кошмара.

В этот момент в дерево, растущее внизу от нас на берегу ручья, ударила большая молния, и оно тут же вспыхнуло так, будто его полили бензином. Пламя горящего дерева осветило небольшую полянку на берегу ручья прямо под нами. От ослепления вспышкой молнии нас спасли ноктовизоры, противоатомная защита которых за миллионную долю секунды сперва снизила яркость изображения до приемлемой величины, а потом автоматически подстроилась под новое освещение. Было прекрасно видно, как последние два спутника вожака роя рухнули на землю безжизненными куклами, а сам он выпрямился во весь свой немаленький рост, после чего его начал окутывать какой-то адский багровый туман. Чудовище уже начало поднимать вверх обе своих руки, между ладонями которых горело что-то вроде искусственной шаровой молнии.

– Так вот ты какой, пушистый северный зверек, – подумал я, но тут свое веское слово сказал Отец Александр. Нашего доброго батюшку было просто не узнать – одной рукой он прижимал к груди свой массивный серебряный крест, а другую, с четками, вытянул по направлению к Посланцу Зверя. При этом отца Александра тоже окутало сияние, но оно было не багровым как у твари, а бело-голубым, первозданной божественной чистоты. Наконец этот нестерпимый свет затопил все вокруг, и глубокий звучный голос отца Александра раскатисто произнес:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа заклинаю тебя – изыди, Сатана!

Божественное сияние, стремительно уплотняясь со всех сторон, охватило высокую черную фигуру Посланца Зверя, багровый адский огонь погас и тот, за кем мы так долго гонялись, упал на землю вслед за своими спутниками и, завывая, стал дергаться и извиваться, постепенно затихая. Когда вой умирающей твари стих, бело-голубое сияние рассеялось в воздухе, а отец Александр покачнулся и начал без сил оседать на землю. Впрочем, Змей и Кобра не дали ему упасть, подхватив под руки с двух сторон. Задание было выполнено – Посланец Зверя был уничтожен.

* * *

День первый. Момент истины. Анна Сергеевна Струмилина.

Я зажмурилась и закрыла уши руками, чтобы не видеть этого сводящего с ума зрелища, и не слышать этих звуков, словно рожденных самой преисподней. Потом, отняв руки от ушей, я принялась усиленно щипать себя, надеясь, что все это – страшная гроза, черные фигуры и красноглазый демон – не более чем порождение ночного кошмара. Но благословенного пробуждения не происходило. Я чувствовала, как дрожат вцепившиеся в меня дети, слышала, как прямо мне в ухо хрипло дышит обезумевший от ужаса Антон.

Предсмертный вопль монстра стих резко и неожиданно. Но его отголосок еще долго висел в воздухе вибрирующей волной – неслышимый, но явственно ощущаемый всеми, заставляя нас снова и снова содрогаться от пережитого потрясения.

Я все еще не решалась открыть глаза. Но что-то изменилось в окружающем меня мире, и я не сразу поняла, что именно. Лишь когда сквозь сомкнутые веки я почувствовала свет, до моего сознания дошло, что больше не слышно звуков грозы. Стояла тишина. Но не та мертвая, безмолвная, ночная звенящая тишина, которая хорошо ощущается в комнате – а та умиротворяющая послегрозовая тишь, что наполнена благодатными звуками природы. Слышался негромкий суетливый шум стекающих со склонов потоков, снизу доносился мерный говор ручья, ведущего свое вечное неразборчивое повествование. Капли, падая с нашего навеса, со звоном разбивались о камни. И какая-то беспечная пташка радостно и мелодично щебетала где-то совсем рядом, прямо над нашими головами.

Я открыла глаза. За пределами нашего убежища сияло солнце, окрашивая все в яркие, жизнерадостные тона. Я выпрямила спину и вытянула затекшие ноги. Дети рядом со мной тоже

зашевелились. И только Яна все еще сидела на корточках, зажав уши руками и уткнувшись лицом мне в подмышку.

– Яна, детка, все закончилось... – потормошила я ее.

Девочка подняла голову и с опаской открыла уши.

– Все хорошо, – я ласково погладила ее, – смотри, солнышко вышло.

– А где... этот, страшный? – спросила Яна сиплым шепотом, озираясь вокруг.

Бедняжка, до чего же она напугалась. До сих пор ее слегка трясет, а в глазах стоит затравленное выражение.

– Его здесь больше нет, не бойся, – ответила я, стараясь успокоить ребенка.

– Смотрите, Анна Сергеевна! – воскликнул Митя, указывая на то место, где стоял краснотелый.

Там, на мокрой земле, была заметна небольшая кучка, или лужица чего-то густого, словно был пролит коричневый кисель. Мы все молча уставились на это место. Лужица, слегка пузырясь, уменьшалась прямо на глазах, земля быстро впитывала странную субстанцию. Вскоре от нее не осталось и следа. О том, что это могло быть, страшно было даже говорить.

По обеим сторонам от нашей выемки, обтекаемые ручейками воды, лежали два недвижимых, ссохшихся и почерневших тела в изорванной, грязной одежде неопределенного цвета.

Конечно, я все еще пребывала в шоке от случившегося, но пора было приходиться в себя – требовалось оценить обстановку и начать что-то предпринимать. Странно – меньше всего меня сейчас волновала мысль о возвращении в лагерь. Прежде всего меня заботило состояние моих маленьких подопечных. Первым делом нам надо было выбраться из нашего убежища...

Непосредственной угрозы снаружи больше не ощущалось, о чем громкогласно возвещала откуда-то сверху распеваящая во весь голос неведомая птица. Дети вопрошающе смотрели на меня. Сейчас только я была их защитой и опорой, поскольку Антон впал в ступор и сидел на корточках, бессмысленно раскачиваясь и выпучив полубезумные глаза. Толку от него ждать не приходилось.

– Так, – сказала я, – сейчас я выйду первая, и, если там нет ничего подозрительного, вы все выйдете вслед за мной.

Но выйти я не успела. Внезапно над головой раздался шум, и без того до предела напуганные дети дружно вскрикнули, а Янка вновь нырнула мне под руку и затряслась мелкой дрожью. Я снова обреченно зажмурилась, ожидая самого страшного, и услышала, как слева от нас, раздвигая кусты, спускается по склону кто-то большой и тяжелый, спугнувший по пути ту самую дерзкую птичку. Шаги принадлежали явно человеку. Более того, он был там не один – я слышала, как за первым, вниз по той же тропе, начал спускаться и второй незнакомец. Наконец первый из них спустился и осторожными, вкрадчивыми шагами опытного хищника подошел прямо к нашему убежищу. Мы все снова замерли от ужаса, не двигаясь и не дыша.

И тут прямо над моим ухом раздалась живая человеческая речь, показавшаяся мне божественной музыкой:

– Товарищ капитан, все чисто, тут только гражданские!

– Стой там, Док, – крикнул сверху еще один голос, – мы спускаемся. Бухгалтер прикрывает.

Широко раскрыв глаза, я увидела прямо перед собой пригнувшегося к нам человека, одетого в камуфляжную форму российской армии. Защитные очки были сдвинуты на лоб, маска закрывала рот и нос, оставляя открытыми только внимательные серые глаза, а большие руки в перчатках с обрезанными пальцами крепко держали автомат с необычайно толстым стволом.

– Не бойтесь, гражданочка, – сказал незнакомец в камуфляже, отводя ствол автомата в сторону от нас, – мы не причиним вам вреда.

Трудно передать, какое облегчение я испытала при словах этого человека, которого его командир назвал «Доком». Человек в камуфляже, говорящий по-русски уверенным мужским голосом! Да покажись перед нами в тот момент ангелы небесные, я не была бы так счастлива. А их, этих людей, становились все больше – один за другим они спускались по незамеченной нами ранее боковой тропинке. Переговариваясь между собой короткими, чеканными фразами, они заполнили, казалось, все пространство перед нашим убежищем, разом перекрыв к нему все подходы и обеспечив безопасность, и вышло это у них это так буднично и деловито, что было понятно – нечто подобное они уже проделывали не раз и не два.

Вся эта их манера двигаться и разговаривать вселяла в меня такое спокойствие и уверенность, что напряжение наконец покинуло меня, и я разрыдалась. Вслед за мной прорвало и остальных – детские всхлипы огласили пустынное ущелье...

Эти люди в камуфляже помогли нам выбраться из-под навеса – своими сильными руками они вытаскивали нас оттуда по одному, делая это очень бережно и осторожно. И такая добрая сила исходила от этих людей, что я поняла – теперь, рядом с ними, нам нечего больше бояться. Последними вниз спустилась группа из четырех человек, где двое поддерживал третьего, а четвертый, постоянно оглядываясь, водил по сторонам стволом своего автомата.

Очевидно, они были последними, потому что тот, кого все называли «капитан», подошел к нам и, отстегнув маску своего камуфляжного костюма, представился:

– Капитан Серегин, Сергей Сергеевич, Российская Федерация, войска специального назначения. Расскажите пожалуйста, кто вы, откуда и как тут оказались?

– Э-э... мы из лагеря, – начала я, глядя в его строгие, отливающие глубокой синевой глаза, смотревшие на меня, однако, приветливо и благожелательно, – из оздоровительного лагеря «Звездный путь». Мы отправились в поход до водопада и попали в грозу. Меня зовут Анна Сергеевна, я кружковод, а это мои ученики, – я кивнула в сторону детей, которые, сгрудившись вокруг, по-прежнему жались ко мне, словно испуганные цыплята к маме-наседке.

– А это вот Антон... Антон Витальевич, – показала я рукой в сторону бледного «хореографа», унылой тенью маячившего за спинами детей, – он тоже... из нашего лагеря, – я решила, что сейчас лучше не вдаваться в лишние детали.

К счастью, на более подробные вопросы мне отвечать не пришлось. Похоже, выданной информации оказалось вполне достаточно и у меня сразу полегчало на душе оттого, что допроса удалось избежать.

– Понятно, – кивнул капитан Серегин, – что называется – сходили в поход. Тут творится что-то непонятное, но вы не бойтесь – мы вас не бросим. Выкарабкаемся и отсюда – нам не впервой!

Обернувшись вполоборота к одному из своих людей, капитан произнес:

– Мастер, что у нас со связью?

– Так нет связи, товарищ капитан, – ответил тот, – ни спутниковой, никакой. Как ножом отрезало.

Услышав эти слова, я отчего-то посмотрела вверх на небо. Это у меня, наверное, такой рефлекс, срабатывающий после грозы – посмотреть, куда и с какой скоростью уходят тучи. Увиденное заставило меня ахнуть, и вслед за мной задрали вверх головы и все дети, а за ними и спецназовцы, наблюдая удивительное зрелище – посреди темных, свинцово-серых туч, точно над нашими головами, зиял изрядный просвет почти идеально круглой формы, в котором синел кусок неба с солнцем почти в зените. Этот просвет стремительно увеличивался, словно кто-то сверху дул на эти грозные тучи, подобно тому, как мы по утрам дуем на кофейную пенку. Мы могли наблюдать, как тень от туч торопливо отползала в стороны, увеличивая освещенное пространство, и было видно, как серые мрачные горы вмиг преображаются, загораясь яркими красками сияющего полудня...

Но что это?! Я потрясла головой и проморгалась. Нет, мне не кажется – это были другие горы – не те, что были всего несколько минут назад! Они словно стали ниже теперь, и скальных пород в них было намного меньше. Я повернула голову в другую сторону, туда, где находилась пещера – и просто обомлела. Примерно в пятистах метрах от нас изящно и величественно низвергал свои воды великолепный трехступенчатый водопад, обрамленный блестящими темными глыбами – не Ниагара, конечно, но куда уж там той жалкой струйке, которую мы видели до этого, а узкий ручей превратился в быструю и бурную, настоящую горную реку. И пещера тоже была на месте, но теперь ее свод казался раза в три шире, а подъем к ней представлял почти отвесную стену, и мне было совершенно очевидно, что теперь без альпинистского снаряжения к ней не подобраться. И еще – вроде бы этот водопад с пещерой сместились несколько вправо... или мне показалось? А может быть, это совсем не та пещера и не тот водопад?

Мой взгляд скользнул выше. К этому моменту гонимые невидимым ветром тучи окутывали лишь предполагаемый хребет, что постепенно вырисовывался над горой с пещерой. Так, а это что?! Я в растерянности моргала глазами, пытаюсь прогнать наваждение, но странная, шокирующая реальность неумолимо вырастала передо мной – медленно из грозовой дымки проступали контуры огромной конусообразной вершины, покрытой сияющей снеговой шапкой. Вот остатки туч окончательно отползли, словно сметенные метлой невидимого дворника, и мы замерли и раскрыли рты от представшего нашему изумленному взору зрелища – прекрасного, ужасающего и завораживающего одновременно. Поистине, такое я видела только на картинке... Перед нами был настоящий, действующий вулкан! Он, подобно исполину, возвышался над местностью, и при этом величаво курился – белый дым, закручиваясь в замысловатое кружево, тонко струился из его жерла и зигзагообразной струйкой устремлялся в сторону, подхваченный услужливым ветром. Вулкан казался живым существом, таким могучим, что ему не было равно никакого дела до копошащихся где-то внизу существ – он, меланхолично покуривая, был погружен в свои тысячелетние размышления о неведомых нам высоких материях...

Теперь я замечала все те незначительные мелочи, которые до этого просто не доходили до моего сознания. Нет, это точно совсем не то место, где мы находились перед грозой. Совершенно другим был ландшафт, и сами горы, и растительный покров. Воздух отличался повышенной влажностью и чуть иным ароматом. Запахи трав стали резче, к ним примешивалась какая-то незнакомая, едва уловимая нотка... Даже цвет неба казался ярче, глубже, что ли – мой взгляд художника отметил в нем глубокий оттенок особой, истинной синевы, исчерченный тонким, почти прозрачным, узором высоких перистых облаков...

Тем временем тучи полностью разошлись и растаяли без следа, а солнце, стоявшее высоко почти над самыми нашими головами, стало весьма ощутимо припекать. Во-первых, это говорило о том, что сейчас ровно полдень, а во-вторых, еще и о том, что сейчас мы находимся значительно южнее той широты, на которой расположен Средний Урал...

Что ж, выходит, произошло нечто невероятное и мы, по всей видимости, внезапно очутились совсем в другом месте земного шара. Можно допустить, что из-за воздействия грозы произошло мгновенное перемещение нас за много тысяч километров от исходного места... Но ведь этого не может быть! Тем не менее, лихорадочно анализируя ситуацию, я все же не находила рационального объяснения случившемуся. Раньше я читала о таких случаях в газете, но никогда не верила этим статейкам, считая их пустыми байками. И вот, угораздило же самой попасть в подобный переплет... Хотя наш переплет, пожалуй, будет покруче любых газетных баек. Чего стоит одно только это черное красноглазое чудовище и его совершенно необъяснимая кончина... Был монстр и вдруг растворился, растаял и исчез, впитавшись в землю. Может быть, мы вообще попали в другой мир, как в любимых книжках Димки?

И вот теперь-то я окончательно осознала, насколько серьезно все то, что с нами произошло. И это осознание вдруг навалилось на меня тяжелым грузом ответственности и запоздалых сожалений... Хочу обратно, домой, в наш такой уютный лагерь и проклиная свое безрас-

судство, которое заставило меня пойти в этот поход и потащить за собой доверившихся мне детей! На мои глаза непроизвольно навернулись слезы – Господи, ну почему это произошло именно со мной?! Впрочем, глупо задавать себе подобные вопросы – конечно же, все странное и необычное случается именно с такими чокнутыми как я... Поэтому я не имею никакого права распускать сопли, ведь со мной мои гаврики и я теперь в ответе за них.

И вот мы стоим на берегу неведомой реки, со священным трепетом глядя на вулкан; дети по-прежнему жмутся ко мне, а Антон молчаливо возвышается позади нас, как тощее скорбное привидение. Его долговязая фигура даже как-то ссутулилась. Он то мнет в руках свою кепку, то снова нахлобучивает ее на свою лохматую голову, то и дело растерянно обводя окрестности своими расширенными белесыми глазами, и время от времени открывая рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Да мы, собственно, и находимся сейчас в положении таких рыб, вырванных из привычной среды обитания. И если парализующий ужас ушел с появлением этих людей в камуфляже, то на смену ему пришли шок и растерянность. Что это за местность, и как мы сюда попали? Что вообще с нами случилось, и как нам теперь быть?

Я почувствовала настоятельную потребность умыться. У меня была такая своеобразная привычка, сродни ритуалу – если мне кажется, что мои мысли зашли в тупик, иду умываюсь холодной водой – и голова сразу начинает лучше соображать, а мысли приходят в стройный порядок. Иногда достаточно просто побрызгать холодной водой на лоб.

Я сделала два шага к речке и склонилась над ней с намерением зачерпнуть пригоршню воды. Мои ладони коснулись колеблющейся поверхности речных струй...

Резко отдернув руки от воды, не сразу поняла, в чем дело. Я настроилась на ощущение ледяной прохлады, но вода в речке оказалась... горячей! Да-да, именно горячей – не такой, как в чайнике после закипания, чтобы можно было обжечься, но примерно такой, какая льется в квартире из-под горячего крана...

Дети, оторвавшись от созерцания вулкана, резко замерли и встревожено уставились на меня. Мои странные движения насторожили, видимо, и наших спасителей, и они рефлекторно взяли оружие наизготовку, внимательно оглядывая окрестности.

– В чем дело, Анна Сергеевна? – крикнул мне капитан Серегин.

– Вода! – воскликнула я, – вода горячая!

Дети, поняв, что мое резкое движение было вызвано вовсе не чем-то опасным, вздохнули с некоторым облегчением и тут же, подскочив к речке, принялись азартно совать в нее свои пальцы. Пока они развлекались таким образом и, тихо переговариваясь, поглядывали на курящуюся вершину, я увидела, что капитан Серегин, приняв во внимание мое сообщение насчет воды, приставил к глазам бинокль и разглядывает водопад и его окрестности, при этом негромко обмениваясь мнениями со своими людьми.

Желание освежиться пропало, мои мысли и без того стали несколько упорядочиваться. Я смотрела вокруг, приходя в более-менее спокойное созерцательное состояние.

Откуда-то из глубины сознания всплыла не совсем приятная мысль о том переполохе, который, должно быть, сейчас происходит в лагере из-за нашего исчезновения. Мне так и представились рожи моих недоброжелателей и их злобные комментарии: «Эта чокнутая увела и погубила наших несчастных ребятишек! И как ей можно было доверять детей?!», и лицо Веры Анатольевны, ее сдвинутые брови, запотевшие очки и тихий, спокойно-леденящий, исполненный сдержанного негодования и оттого особенно страшный голос: «Эта авантюристка, скрывавшаяся под личиной педагога, замаравшая честь воспитателя своим недостойным поступком, обязательно пойдет под суд!»

Я поежилась. Да уж, действительно, наворотила я делов... Совесть, конечно, меня мучила. Но укоры ее ощущались уже не так остро, тем более на фоне нашего захватывающего приключения, которое с появлением военных приобрело некий новый смысл... И вообще,

карающая длань правосудия, скорее всего, настигнет саму Веру Анатольевну и кое-кого еще. Ведь как только начнут расследовать наш случай, так сразу наружу вылезут все их хитроумные махинации и прямое воровство. Я не злорадствую, я только констатирую факт. Хотя, впрочем... что-то я и вправду злая становлюсь. Иногда замечаю за собой, что начинаю думать о людях в негативном ключе. А так нельзя. Иначе маленькое недовольство может перерасти в большую ненависть. А ненависть, как известно – что? – правильно, она нас разрушает. Так что пусть дорогая начальница живет долго и счастливо, и всех ей благ, вместе с ее присными, аминь.

Между тем дети вроде бы немного оживились и оттаяли. Появление военных в самый страшный момент и чудесное спасение благотворно подействовало на них – ну а на кого бы не подействовало появление десяти храбрых молодцев в полном боевом облачении, потрясающих оружием и готовых нас всячески защищать и оберегать с оружием в руках? Ну, насчет потрясения это я, конечно, немного утрирую – эти люди не размахивают оружием почему зря.

Вообще, мой взгляд постоянно возвращается к их массивным, но ладным фигурам, затянутым в полную камуфляжную экипировку. Было в их плавных экономных движениях и скупых немногословных фразах нечто такое, что вызывало священное благоговение и действовало лучше любого успокоительного. Абсолютная слаженность и естественность их движений, немногословность и неторопливая уверенность составляли, по-видимому, самую основу действий их группы и мне было очень приятно на них смотреть.

Один из бойцов при этом привлек мое особое внимание. Я пригляделась – неужели женщина?! Ну конечно, сомнений быть не могло – нежный, чуть полноватый овал лица, гладкая кожа, большие черные блестящие глаза, остро поглядывающие из-под таких же черных пушистых ресниц, густые брови правильной формы, слегка выщипанные для улучшения их формы. Это действительно была молодая женщина, примерно моего возраста, что весьма меня порадовало.

Девушка в камуфляже заметила мой пристальный взгляд и улыбнулась, отчего ее лицо приобрело необыкновенный шарм.

– Кобра, в миру Ника Зайко, – подойдя ко мне, представилась она чуть хрипловатым контраalto – именно таким голосом, по моему представлению, и должна говорить женщина-военный, и, стянув перчатку с руки, протянула мне ладонь для рукопожатия.

– Очень приятно... Я Анна Струмилина. Можно просто Аня, – ответила я, с удовольствием пожимая ее маленькую, но крепкую руку.

– Ты, подруга не бойсь – прорвемся, не в первый раз, – сказала Ника, тряхнув своей косо стриженной «рваной» челкой, – и мелким своим скажи – держитесь за нашего «Батю» и все будет хорошо. Вы, я смотрю, сделаны из правильного теста.

Мы улыбнулись друг другу. И мне отчего-то подумалось, что хорошо бы иметь вот такую, как она, подругу – решительную, смелую, полную энергии, с такими вот ироничными черными глазами, в которых пляшут озорные чертики...

Она внимательно обвела взглядом Димку, Митю, Яну и Асю, копошавшихся возле ручья, затем, прищурившись, посмотрела на Антона, который со смущенным и потерянным видом стоял чуть в сторонке, разглядывая вулкан, при этом напоминая барана, обнаружившего замену старых ворот на новые. Глянула Ника так, словно насквозь просканировала. Появившееся на ее лице выражение абсолютно точно отразило общепринятое мнение о нашем «хореографе» – пустое место.

Антон, однако, заметил ее взгляд, и, сочтя это за проявление интереса, петушась изо всех сил и пританцовывая, подошел к нам. На своем лице он изобразил некое слабое подобие улыбки, больше похожей на нервные конвульсии больного. При этом он машинально вытирал руку об штанину, собираясь, видимо, представиться, и даже не подозревал, какой у него в этот момент был идиотский вид.

Но Ника отвернулась от Антона и, не дожидаясь такой чести, подмигнув мне, отошла к своим товарищам. Они о чем-то посовещались, потом капитан Серегин сказал, обращаясь ко мне:

– Черт знает что творится, Анна Сергеевна! Я ничего не понимаю! Поэтому скажите своим детям, что сейчас мы отойдем к водопаду, разобьем там лагерь и осмотримся, пока наш эксперт, отец Александр, находится несколько не в себе. Он сегодня неплохо потрудился, прихлопнул эту мерзкую тварь, как таракана тапком, и теперь ему надо хорошенько отдохнуть.

Сказав это, он кивком головы указал на высокого человека с поседевшей бородой, так же одетого в камуфляж, но без оружия, которого бережно поддерживали под руки двое бойцов.

Я была с ним согласна, и поэтому не стала спорить, поскольку тоже ничего не понимала, однако задумалась о словах, сказанных капитаном. Так вот кому мы обязаны нашим спасением – того демона, оказывается, уничтожил именно отец Александр, который, судя по обращению к нему капитана, является священником, и теперь, выходит, нас с детьми защищает не только сила оружия, но и, в его лице, сами Высшие Силы. Мда... Я вообще-то всегда была далека от всякого рода мистицизма, но последние события сильно поколебали мои убеждения.

Я окликнула своих девочек и мальчиков, и они тут же оторвались от реки, после чего мы все вместе, окруженные настороженными и внимательно смотрящими во все стороны спецназовцами, двинулись в направлении, указанном капитаном Серегиним. Шагая следом за Никой, я внимательно наблюдала за своими гавриками, пытаюсь понять, в каком они сейчас настроении. Димки вовсю уже что-то обсуждали, не так, правда, возбужденно, как обычно. Митя, как я заметила, с восхищением разглядывал спецназовцев, а Дима, близоруко щурясь, в основном глазел по сторонам и имел при этом весьма задумчивый вид.

– Дим, так ты считаешь, что мы теперь в другом мире? – донеслись до меня слова Мити.

– Да, Мить, – серьезно и уверенно ответил Дима, – я думаю, когда молния в дерево ударила, то открылся портал и мы все случайно перешли в параллельную реальность. А может быть, это все из-за того, черного типа? Какое-нибудь колдовство? Не знаю. Я тут недавно смотрел один фильм, так там тоже пацаны во время грозы попали в совсем другой мир...

– Дим, а может быть, мы просто очутились в другом времени? – высказал предположение Митя, внимательно глядя на друга, – Вот щас выйдет из-за угла какой-нибудь динозавр.

– Тоже может быть, – согласился тот, почесывая свою вихрастую голову и зачем-то внимательно вглядываясь себе под ноги, – но я так не думаю. Для твоей гипотезы про динозавра пока нет никаких оснований... Скорее тут будут маги, колдуны, эльфы и прочая нечисть. Зуб даю.

– А давай поспорим? – азартно воскликнул Митя.

– Давай, – охотно согласился Димка, – на фофан?

– На три! – поднял Митя ставки.

Друзья торжественно заключили пари, сцепив руки, после чего попросили меня разбить их.

– А правда, здорово? Мне уже совсем почти и не страшно, – бодро заявил Митя, продолжая разговор с другом, и добавил уже потише, – Я, когда мы остановимся, у товарища капитана автомат подержать попрошу...

– Слава Богу, – думала я, – слава Богу, что они все еще продолжают воспринимать все эти события как игру и увеселительную прогулку, несмотря на то, что им пришлось натерпеться совсем немаленького страха.

Яна шла рядом со мной, опустив взгляд в землю и держа за руку Асю, которая что-то втолковывала ей очень убедительным тоном. Обе девочки то и дело поглядывали на меня, и если в Яниных глазах читалось: «все ведь будет хорошо, правда?», то Асин взгляд расшифровать было весьма затруднительно. Я прислушалась.

– Да говорю тебе, не бойся, – тихо увещевала Яну Ася, – дяденьки военные нас в обиду не дадут. Вон, смотри, сколько у них оружия. У меня папа тоже военный, – добавила она.

– Да? А где он сейчас, твой папа? – с живым интересом спросила Яна.

– Сейчас он на войне, – важно ответила Ася, – но он скоро приедет и заберет меня!

– А ты его видела? – поинтересовалась Яна, которую явно взволновала тема разговора.

– Нет, но он про меня знает. Мама ему написала, что ждет ребенка, а сама умерла при родах, – вдохновенно врала Ася, закатывая глаза.

Подобные байки о родителях очень популярны среди детдомовцев. Мало кто из них признается, что его родители – алкоголики, наркоманы, бомжи или заключенные. Вот и рассказывают друг другу сказки, а со временем и сами начинают в них верить. Причем витиеватости и убедительности таких историй порой можно только удивляться. И мало кому они скажут горькую правду – что их бросили, предали – для такого признания нужно заслужить их безграничное доверие и любовь...

А Ася эта непроста. Что-то совсем недетское проскальзывает иной раз в ее взгляде. Создается ощущение, что она намного умней и взрослей, чем кажется. Интересно, что на самом деле скрывается за ее яркой внешностью и уверенным поведением? Я пока еще не раскусила эту девочку, но ничего – в такой ситуации, как у нас, быстро становится понятно, «ху из ху».

А позади нас уныло плелся Антон, весь вид которого выражал непроизвольно охватившее его состояние печали и никчемности. Этакий дон-Кихот без доспехов, Росинанта, Санчо Пансы и даже Дульсинеи.

* * *

Капитан Серегин Сергей Сергеевич.

Это называется – пошли за хлебушком и потерялись. Дело явно пахло серой. Монстр в человеческом обличье, на которого мы охотились, утащил нас за собой неизвестно куда. И то, что отцу Александру совершенно непонятным образом удалось его прихлопнуть, отнюдь не отменяло того, что мы не знали, что же нам делать дальше. Связи нет, компас сошел с ума и показывает север там, где раньше был запад, узкий горный ручей превратился в бурную реку с горячей водой, а недалеко от нас вдруг появился самый настоящий действующий вулкан. И солнце совсем рядом с зенитом припекает далеко не по-детски со странного неба, покрытого легкой сеткой высоких перистых облаков. Температура воздуха стоит градусов сорок в тени, никак не меньше, при достаточно высокой влажности, чего никак не может быть в горах на Среднем Урале, где мы находились до того как началась эта странная гроза. И еще – я, конечно, не ботаник, но много где побывал и довольно легко отличу субтропическую растительность от кустов и деревьев средней полосы. Не может быть такого на Урале и точка.

А тут еще эта Анна Сергеевна с ее детишками, и совершенно никчемное существо мужского пола по имени Антон, которому наши ребята тут же приклеили прозвище «Танцор». Я думаю, что они имели в виду того самого танцора, которому все время мешают кривой пол и мужские причиндалы. Хотя, если бы они не попали в эту ловушку вместе с нами, то наше моральное состояние было бы несколько хуже, потому что сейчас мои парни сосредоточились на том, чтобы опекать и защищать эту весьма милую компанию, и им совершенно не до окружающих нас странностей. Единственно, о ком бы мы не пожалели, так это о Танцоре. Сразу видно, что, в отличие от детей и их предводительницы, это пустой и никчемный человек, требующий опеки как ребенок и в то же время своим видом вызывающий только одно раздражение.

Кроме того, сдается мне, что эти двое мальчишек, разговор которых мы услышали, как бы это ни казалось невероятным, абсолютно правы насчет другого мира или другого времени, и в пользу этого говорит то, что наши навигаторы и устройство спутниковой связи не имеют

контакта со своими спутниками. А ведь они должны функционировать в любом месте планеты – хоть в джунглях Конго, хоть на Северном или Южном полюсе, так что гипотезу о том, что нас выбросило куда-нибудь в горы Африки, Южной Америки или Индонезии, можно отбросить как несостоятельную.

Теперь мне требуется выяснить, где мы действительно находимся и есть ли тут где-нибудь поблизости другие люди. А самое главное – необходимо решить, что же теперь делать дальше, когда возвращение на базу и доклад командованию стали для нас неисполнимой мечтой. От окончательного решения, которое предстоит принять лично мне, теперь зависят все наши дальнейшие планы и действия, но для этого сейчас явно недостаточно информации, а та, что имеется, просто вводит в оторопь. Ведь не привиделись же нам те световые спецэффекты, которые сопровождали действия отца Александра, приведшие к уничтожению чудовища. Так что в нашу рабочую гипотезу надо включить и существование в этом месте такого феномена как магия, потому что до момента удара молнии в дерево, по всей видимости означающего момент перехода, никаких таких сверхспособностей отец Александр не проявлял. Но если это все же так, то в нашей команде добавился еще один очень хороший боец.

До водопада мы шли минут сорок. Могли бы дойти и быстрее, но необходимо было считаться с тем, что отца Александра, еще не конца пришедшего в себя, приходилось вести, придерживая под руки.

Большую, метров в сто в диаметре, каменную чашу заводи, в которую с обрыва падала речка, окаймлял неширокий галечниковый пляж, по краям которого, вплотную примыкая к каменистым обрывистым склонам, росли невысокие деревья и густые заросли колючего, даже на вид вечнозеленого кустарника. Одно из деревьев на нашем берегу заводи, коренастое и раскидистое, росло прямо на пляже ровно посередине между берегом и стеной зарослей.

Немного подумав, я приказал парням разбить в тени этого дерева лагерь и выставить посты, на случай появления опасных хищников или нехороших людей, буде такие здесь есть, и мои люди, скинув с плеч высокие рейдовые рюкзаки, приступили к работе. При этом и Анна Сергеевна, и ее детвора приняли в процессе посильное участие, в основном собирали и таскали хворост для костра. Один лишь Танцор на фоне этой бурной деятельности выглядел бесполезным и печальным бесплатным приложением к нашей команде. Он то и дело тоскливо вздыхал, с кислым видом озирался и морщился, при этом путаясь у всех под ногами.

А через некоторое время, когда лагерь был уже почти разбит, а дрова для костра сложены, я собрал на совещание отца Александра, который уже самостоятельно мог держаться на ногах, и Змея, как моего заместителя. Ну, а Кобра, пользующаяся в группе положением любимой всеми сестренки, конечно же, присоединилась к нам сама, ведомая обычным женским любопытством. Впрочем, я не стал ее гнать – девочка умна, смела, достаточно независима и смотрит на мир со своей колокольни, что сейчас будет весьма полезно.

– Значит так, товарищи, – сказал я, вытирая со лба пот, когда мы все присели в кружок на расстеленные в тени дерева пенки, – что мы имеем с гуся кроме шкварок? Отец Александр, вы ничего не хотите нам сказать?

– Сам ничего не понимаю, Сергей Сергеевич, – развел руками священник. – Все получилось как бы само собой. Сразу после того, как ударила та молния, я ощутил исходящее от этого существа большое зло и одновременно огромную, вливающуюся в меня откуда-то сверху силу, после чего сделал то, что должен был сделать – не более, но и не менее того. Ничему такому меня не учили и не могли учить, поскольку все случившееся выходит за всяческие разумные представления, поэтому я пока пас. Прежде чем говорить, мне сперва надо тщательно во всем разобраться, и в первую очередь в самом себе.

– Понятно, что ничего не понятно, – кивнул я, – скажу одно – задание мы выполнили, но при этом необъяснимым образом очутились неизвестно где, или же неизвестно когда. Пред-

лагаю оставить на потом высокие материи и сосредоточиться на вопросах выживания. Змей, что ты можешь сказать?

– Никаких признаков присутствия человека не обнаружено, – бодро отрапортовал Змей, – место удобно для лагеря, но отсутствуют следы старых костров и сушняк в кустарнике не тронут. Для осмотра местности с высоты предлагаю сперва подняться ко входу в пещеру, а если этого будет недостаточно, то и по склону горы, насколько это будет возможно без большого риска.

Я немного подумал и сказал:

– Наверное, так мы и сделаем, причем еще сегодня, до наступления темноты. Группу из трех человек на восхождение поведу я, а ты, Змей и отец Александр останетесь в лагере за старших. Вопросы есть?

Змей и отец Александр кивнули, а Кобра провела языком по пересохшим губам.

– Товарищ капитан, – неуверенно сказала она, – не знаю, как насчет девочек, но мальчишки наверняка будут проситься с вами на восхождение к пещере и дальше в гору. Они, собственно, и шли сюда, чтобы полазить по этой пещере и даже то положение, в которое мы попали, совсем не отбило у них этой охоты.

После этих слов Кобры я на некоторое время задумался. С одной стороны, разведка местности – это довольно опасное предприятие, а с другой стороны, если мы не возьмем их с собой сейчас, то они непременно удерут в самостоятельный поход, и тогда может получиться еще хуже. Сам таким был в их возрасте.

К тому же, ни мы от них, ни они от нас никуда теперь не денутся, и нам всем вместе предстоят еще Бог знает какие опасности. Поэтому лучше испытать этих детей и их предводительницу сейчас, в относительно спокойной обстановке, и начать приучать их к нашей дисциплине и порядку, чем потом, в по-настоящему опасной ситуации, нарваться на какой-нибудь неприятный сюрприз из-за того, что дети не знают, как вести себя в подобных обстоятельствах.

– А ты что скажешь, Змей? – для порядка спросил я старшину, впрочем, уже приняв некое решение.

– Думаю, особо большого риска в этом нет, – пожал плечами тот, укрепив меня в уже принятом решении, – все равно от этого нам никуда не деться. Чем быстрее мы приучим их к порядку, тем лучше. Настоящими летучими мышами им, конечно, не стать, но мы хотя бы можем попытаться воспитать из них приличных кадетов. Если мы все равно не сможем избежать риска, то лучше заблаговременно возглавить процесс.

– Хорошо, Змей, – хлопнул я ладонью по колену, – так мы и сделаем. Как только закончится этот разговор, ты, Кобра, вызовешь ко мне этих орлят вместе с их самой главной орлицей. Будем вполне официально вызывать добровольцев. Кстати, как она тебе?

– Ничего девка, – ответила Кобра, – крутую из себя не строит, но и сопли не распускает и в истерику не впадает. Мандраж у нее, конечно, присутствует, но куда тут без этого. Думаю, товарищ капитан, что мы с ней вполне сработаемся. К тому же она неглупа и достаточно образованна, не то что мы, сырые и убогие.

– Ладно, Кобра, – сказал я, – разберемся. Теперь, товарищи, что у нас по бытовым вопросам?

– Лагерь почти разбит, – произнес старшина, – палаток у нас нет, но мне сдается, из-за горячей воды в речке ночь должна быть довольно теплой, так что обойдемся и пенками. Кстати, гражданским тоже надо выдать по листу пенки из наших запасов и, вообще, поставить их на довольствие. По продуктам в наличии имеется сухпай на трое суток, но из-за присутствия среди нас дополнительных людей необходимо как можно скорее перейти на снабжение местными ресурсами. Интересно, что за зверье здесь водится и можно ли его есть?

– Пенку им выдай, детям поменьше, взрослым побольше, – распорядился я. – А есть, Змей, при желании можно все что угодно. Даже саранчу, змей и лягушек. Китайцы уже дока-

зали это на практике. Да, и что у нас, кстати, с водой – не уверен, что воду из этой речки можно пить.

– Вода в речке хоть и горячая, но сернистого запаха почти нет и она вполне пригодна для питья. Что же касается местных ресурсов, то вот, – быстро произнесла Кобра и с натугой вытащила из кармана явно цитрусовый, вытянутый в длину плод, похожий на заостренный к концам очень крупный лимон, – Птица говорит, что это цитрон, дикий предок всех лимонов, апельсинов и прочих грейпфрутов.

– Птица? – удивленно переспросил я.

– Ну эта, Анна Сергеевна – она все время хлопочет вокруг детей как птица вокруг птенцов, поэтому и Птица. Да и сама она такая... – Кобра повертела пальцем в воздухе, – короче, воздушная и легкая на подъем...

– Хорошо, годится, – одобрил я, – пусть будет Птицей. А с этими цитронами ты не спеши, быть может, их еще и есть нельзя.

– А я уже, – беззаботно ответила Кобра, – попробовала. Кожура толщиной примерно в палец, а мякоть внутри сухая и горьковатая, гаже любого грейпфрута. Но пока нет ничего лучшего, морду кривить не стоит.

– А, ладно, – махнул я рукой, – что сделано, то сделано. Но в следующий раз, если найдешь что-то новое и будут сомнения, то сперва дай попробовать Танцору.

– Хорошо, товарищ капитан, – ухмыльнулась Кобра, – в следующий раз я так и сделаю. А сейчас позвать к вам Птицу, или пока немного погодить?

– Зови, – кивнул я, – и ее птенцов тоже. Пришло время для еще одного очень интересного разговора.

* * *

Анна Сергеевна Струмилина.

Лагерь спецназовцы ставили очень умело – куда лучше, чем наши вожатые. Было видно, что в этом у них большой опыт и сноровка. Первым делом они осмотрели и проверили все места, где могли бы прятаться скорпионы, змеи и прочие ползучие гады, после чего часть из них прогнали, а остальных просто истребили.

Я с гавриками тоже, как могла, помогала обустроить место нашей стоянки. Мы ломали пушистые еловые ветки на подстилку и собирали в кустарнике сушняк. Неожиданно ко мне сзади тихо подошла Ника.

– Птица, с тобой хочет переговорить товарищ капитан, – негромко сказала она, – идем.

– Не поняла, Ника... – переспросила я, – кто Птица – я?

– Да, теперь ты Птица, – терпеливо объяснила Ника. – С нами жить, по-нашему выть. И птенцов своих позови, к ним тоже будет серьезный разговор. Только Танцора не надо – с ним и так все ясно.

Я растерянно посмотрела сперва на своих гавриков, потом на Антона. Очевидно, теперь нам придется жить по чужим и неведомым нам правилам, но эта мысль меня даже успокаивала. Я лишь надеялась, что нам не придется теперь все время ходить по струнке и действовать исключительно по приказу.

– Да ты не бойся, Птица, – попыталась успокоить меня Ника. – Батя, то есть товарищ капитан, он совсем не злой и все, что он делает – это для вашей пользы.

Вот этого я и боялась, но, очевидно, раз уж мы попали в такую специфическую компанию, то придется подчиняться ее законам, в которых нет рассуждений и прав человека, но есть приказы и армейская дисциплина. Но раз уж для нашей пользы... словом, я не могла не согласиться в душе, что такая опека со стороны людей в камуфляже – это правильно. Приятно

чувствовать, что кто-то взял на себя ответственность за всех нас в целом, и за мою непутевую голову в частности...

– Хорошо, Ника. Мы сейчас придем, – ответила я и тут же спросила, – а как же Антон?

– Танцор, что ли? – усмехнулась Ника, – За него не беспокойся. Он у нас числится чем-то вроде бесплатного приложения. Бросить мы его не бросим, но и никаких серьезных дел такому человеку поручать не будем. Все равно, кроме нытья, от него ничего не дождешься.

В этих словах Ники звучало столько чувства собственного превосходства и уничижительного отношения к Антону, что я аж поежилась. Но в чем-то она была права. Попав в передрягу, тот совершенно расклеился и сейчас напоминал размазанную по тарелке манную кашу. Но делать было нечего, по крайней мере, стоило знать, что хочет сказать мне капитан Серегин, поэтому я окликнула своих гавриков и вместе с ними быстрым шагом вслед за Никой направилась к тому месту, где в тени дерева восседало начальство.

При нашем приближении капитан Серегин встал, будто перетек из сидячего положения в стоячее. Вот уж где настоящее волшебство, и к тому же, с его стороны, по отношению к дамам это было весьма галантно.

– Значит так, Птица, – сразу взял он быка за рога, – дело обстоит так, что теперь мы с вами Бог его знает сколько времени будем повязаны одной веревочкой. Куда мы, туда и вы. Поэтому – добро пожаловать в нашу команду. По-другому просто нельзя, мы своих не бросаем!

– Ух ты! – восторженно выдохнул Митя, – класс!!

– Первый урок, молодой человек, – строго посмотрел на Митю капитан Серегин, – никогда не перебивайте старших и всегда дослушивайте до конца то, что вам говорят. А иначе может получиться очень нехорошо. Я пока не знаю, насколько будет опасен этот наш совместный поход, но он явно будет опаснее обычной прогулки по лужайке в парке. Вы шли в поход за приключениями, и вы их получите по самое не балуйся. Только договоримся не пищать при этом, не плакать, и слушать меня как родного отца, а вашу Анну Сергеевну как родную мать. Это вам понятно, юноши и девушки?

Дети, особенно Янка и Ася, во все глаза смотрели на Серегина, как будто он явил им чудо. Какой же детдомовский ребенок откажется от такого отца: массивного, подтянутого, мускулистого, слегка небритого – есть теперь такая мода, и в то же время абсолютно трезвого. Если есть на свете идеал родителя для детдомовских детей, то капитан Серегин подходил под него на все сто процентов. Сам того не желая, капитан Серегин задел в их душах особо чувствительные струны и теперь эти струны радостно вибрировали.

– Хорошо, дядя Сергей, – опустив глаза и слегка заикаясь, сказала Янка, – мы будем во всем вас слушаться и всегда и везде помогать...

– Да, да, дядя Сергей, – энергично закивала Ася, – честно-честно, мы всегда и везде, вы только скажите и мы сразу, да, вот так... – тут она отчего-то засмушалась и спряталась за мое плечо.

– Так, – сказал Серегин, подняв руку, – минутку тишины. Поскольку в спецназе каждому положены позывные, то и вам тоже необходимо присвоить какие-нибудь кодовые имена. – Меня, когда я маленькая была, мама Горем Луковым называла... – тоненьким голоском тихо произнесла Янка и, покраснев, смущенно улыбнулась, обнажив свои прелестные заячьи зубки.

– Ну, какое же ты горе... – сказал капитан и тоже улыбнулся, внимательно глядя на девочку, – ты у нас будешь Зайцем.

– Зайчик-попрыгайчик... – добродушно захихикали мальчишки.

Однако Яна своим прозвищем осталась довольна. Она с застенчивой благодарностью смотрела на капитана, а тот уже пытливым взглядом изучал Асю, которая робко выглядывала из-за моей спины – вот уж я не думала, что эта – такая, казалось бы, уверенная в себе девочка – умеет смущаться.

Пауза несколько затянулась – очевидно, Серегин не мог найти подходящую ассоциацию. И тут Ника издала характерное хмыканье и сказала:

– Да это же вылитая Матильда!

Все взоры усталились на нее, я лишь заметила, что Ася засияла как новый пятак, глядя на Нику с обожанием.

– Что за Матильда? – спросил капитан, наморщив лоб.

– Ну как же, товарищ капитан! – растягивая слова на свой характерный манер, ответила Ника, – фильм «Леон» помните, там девочка была такая, гангстерша малолетняя... – и она задорно подмигнула девочке, на что та радостно закивала в ответ.

– Хм... не помню, честно говоря, но ладно, пусть будет Матильда, – Серегин махнул рукой, давая понять, что процесс наречения моих девчонок завершен, и я услышала за своей спиной хруст галечника под ногами пританцовывающей от удовольствия Аси.

– Спасибо, дядя Сергей... – благодарно прошептала она.

– Ну вот и отлично, Матильда, – удовлетворенно кивнул Серегин, – Только в армии нет никаких «дядь» и «тетя», есть «товарищ капитан», или, на крайний случай, «Батя». А также никаких «можно», «ладно», «хорошо», вместо этого есть «так точно», «никак нет», «разрешите». Ясно?

– Так точно, товарищ капитан, ясно! – весело отрапортовала Ася, осмелев и выйдя из-за моей спины, а потом уже совсем тихо произнесла, – разрешите отойти за кусты?

– Разрешаю, Матильда, – ответил Серегин, подавляя улыбку, и добавил, – Кобра, проводи. И будь настороже – Бог его знает, какие тут водятся хищные твари, готовые полакомиться маленькими девочками, – потом взгляд капитана остановился на Янке, – Заяц, если тебе надо, то ты тоже можешь сходить вместе с ними.

После этих слов капитана Яна покраснела и только застенчиво кивнула.

Когда Ника с Асей и Яной удалились, капитан Серегин с интересом посмотрел на моих мальчишек. Они-то отнеслись к его речи значительно спокойнее, поскольку оба были из вполне благополучных семей, но их умы уже будоражила перспектива приключений вместе с отрядом самого настоящего спецназа. Все их маленькие приятели, оставшиеся там, далеко, наверняка просто умерли бы от зависти, узнав о том, что довелось пережить Димке и Мите.

– Ну-с, молодые люди, – произнес капитан, окинув оценивающим взглядом Диму и Митю, – теперь давайте займемся вами. Спрос с вас будет вдвое больший, чем с девочек, это я вам как специалист говорю.

– Товарищ капитан, – важно произнес Митя, – мы не подведем и всегда готовы, как пионеры, честно-честно.

– Вы только скажите, что нам надо делать, – поддержал приятеля Дима, – а мы уж постараемся. Изю всех сил.

– Стараться не надо, – сказал Серегин, – надо делать. В первую очередь я хочу, чтобы вы не доставляли моим людям проблем в смысле безопасности. Я вижу, что вы оба парни активные и беспокойные, что называется – с шилом в заднице, и поэтому, если вам в голову придет какая-нибудь идея, то лучше заранее поделитесь ею со мной или с вашей Анной Сергеевной.

– Будет исполнено, товарищ капитан, – с серьезным видом произнес Митя, – мы, как только, так сразу все доложим, вы не сомневайтесь. Честное партизанское.

– А я и не сомневаюсь, – сказал Серегин, с теплотой глядя на мальчишек, – просто сам в вашем возрасте был таким же шибутным.

– Да ну! – воскликнул Димка, – неужели?!

– Честное партизанское, – с улыбкой подтвердил Серегин.

– Товарищ капитан, – вкрадчиво произнес Митя, – а можно нам самим выбрать себе позывной? Пусть я буду Профессор, А Димка – Колдун.

– Пусть, – кивнул капитан Серегин, – Вот, молодые люди, мы с вами и познакомились. Слушайте мой первый приказ. С этой минуты не должно быть никаких прогулок без сопровождения моих бойцов за пределами нашего лагеря. Как я вам говорил, приключений у вас и так хватит по самое не балуйся, – он повернулся ко мне, – Теперь перейдем к вам, Анна Сергеевна. Кобра говорила мне, что вы девушка образованная и к тому же неплохо знаете горы и все, что в них растет, бегают, ползает и летает.

– У меня, Сергей Сергеевич, – с достоинством ответила я, – два образования – педагогическое и художественное, а еще я окончила курсы парикмахеров, а также кройки и шитья. Со звездой в шоке, конечно, состязаться не берусь, но обшить, подстричь и причесать смогу любого или любую, да так, что хоть на королевский прием. Что касается гор, то это мой родной дом, сколько себя помню, каждое лето не вылезала из походов. Вот только я знаю наши, родные горы, а отнюдь не эти, никому не знакомые. Хотя несколько знакомых растений я уже встретила и думаю, что это далеко не предел.

– Ну, Птица, – задумчиво произнес капитан Серегин, – я думаю, что эти горы вообще никому пока не известны, но это мы оставим на потом. Дело в том, что мы еще сегодня до темноты собирались подняться, сперва вон к той пещере, а потом и на вершину ближайшей горы – для того, чтобы осмотреть местность с высоты и принять решение о том, в какую сторону потом идти. При этом мы хотели взять с собой ваших деток, чтобы, во-первых – удовлетворить в них жажду приключений, а во-вторых – посмотреть, как они будут вести себя в относительно спокойной обстановке и попутно обучить их нескольким правилам, необходимым для выживания. Как вы на это смотрите?

Вот уж подобного я никак не ожидала, и поэтому с трудом поверила своим ушам... Взять моих деток?! Я-то думала, что теперь нас будут окружать сплошные «нельзя». Сказанное капитаном заставило меня по-новому взглянуть на него. Это же уму непостижимо – он всерьез хочет взять детей обследовать пещеру и гору! Несмотря на опасный подъем, ну и вообще... Вот это я понимаю – человечество. Да узнай об этом Вера Анатольевна – ее бы точно кондратий хватил. На предложение Серегина я смотрела очень даже положительно. Однако, бросив взгляд сперва на небо, потом на горы, а уж потом на капитана, я с сомнением покачала головой:

– Товарищ капитан, я думаю, это очень хорошая идея. Но, если вам нужен совет опытного человека, то отложите восхождение на гору до завтра. На то, чтобы подняться наверх и спуститься обратно до темноты, у вас элементарно не хватит времени. И ваши люди, и я, и мои дети сильно устали и нуждаются в отдыхе и еде. Сегодня, если вы хотите, можно было бы для начала прогуляться до пещеры и только.

Капитан Серегин пожал плечами и кивнул:

– Хорошо, Птица. Пусть так и будет. Всегда надо слушать специалистов. Сегодня, сразу после того как поедим, мы поднимемся к пещере и все там осмотрим, а уже завтра пойдем на вершину горы. Эта пещера хорошо подходит для того, чтобы свить в ней гнездо, если у нас не будет другого выбора.

– Ну так что, товарищ капитан, перекусим? – вернулась я к насущным проблемам, обеспокоенная тем, что мои дети обедали довольно давно – в половине первого, а сейчас, по моим прикидкам, по нашим часам должно быть уже около восьми – время ужина, а мы к тому же еще и полдник пропустили.

– Перекусим, – согласился он, и, подозвав Нику, стал давать ей какие-то распоряжения, а я, собрав своих гавриков, объявила, что сейчас будем ужинать.

Я наконец вспомнила о своем выключенном телефоне. Включив его, я с большим удивлением обнаружила, что часы показывают десять часов, хотя здесь, в этом мире, перевалило, судя по всему, чуть за полдень. Ничего себе – как время быстро пролетело! Да ведь в этот час в лагере уже ко сну готовятся! Непринятый входящий от Инки вновь напомнил мне о родном лагере, и тревожное чувство необратимости произошедшего опять кольнуло где-то под

ложечкой, но я, тряхнув головой, решительно отогнала его от себя. «Я подумаю об этом завтра» – решила я, пользуясь девизом одной литературной героини, и тут же на ум пришла другая цитата: «не живи уныло, не жалея что было, не гадай что будет, береги что есть». Вот и не буду предаваться мрачным раздумьям и сожалениям, буду беречь моих гавриков, в конце концов, мы попали сюда случайно – никакой моей вины в этом нет.

И вот мы все, включая и людей в камуфляже, чинно сидим под деревом. Вернее, чинно – это мы с детьми сидим. У нас на газетке разложены наши скромные припасы: четыре помидора, три яблока, несколько кусочков хлеба и два яйца, предусмотрительно припрятанные с завтрака. Не Бог весть какое угощение, но ведь мы и собирались ненадолго... Антон обрадовал – он достал из своего рюкзака и выставил на наш импровизированный стол целую полтора-литровую баклажку компота – нашего, столовского – видать, кто-то сердобольный из лагеря налил ему перед отъездом, на дорожку.

А вот бойцы, сидящие рядом с нами, в это время привычно и деловито совершали нечто, похожее на алхимические манипуляции. Мы, забыв про еду, во все глаза наблюдали за Никой, расположившейся к нам ближе всех. Она достала из своего рюкзака небольшую картонную упаковку и вытащила оттуда несколько ярких пакетиков. Затем вскрыла один плоский пакет, и мы увидели странное металлическое приспособление. Ника ловко подковырнула края и отогнула их кверху, вследствие чего загадочный девайс превратился в подобие тюльпана с четырьмя лепестками. Затем она вытащила из того же пакета белую таблетку, чиркнув спичкой, подожгла ее и поставила прямо в сердцевину этой штуковины. Таблетка горела тусклым зеленым пламенем и я поняла, что это был сухой спирт – мы пользовались таким в школе на уроках химии. После этого Ника выбрала один из маленьких цветных пакетов и водрузила сверху на лепестки. Удовлетворенно цокнув языком, она повернулась к нам и весело подмигнула.

– Доблестным бойцам Российской Армии необходим полноценный рацион питания, включающий в себя горячую пищу, богатую полезными веществами! – продекларировала она, подняв палец кверху, и добавила, – ну, а поскольку вы теперь тоже в нашей команде, то и вам полагается паек.

Через несколько минут Ника сняла пакет и открыла его. Божественный запах тут же проник в наши ноздри, вызывая обильное слюноотделение и заставляя бурчать пустые желудки. Таким образом она разогрела несколько пакетиков, после чего вручила нам пластиковые ложки из того же картонного пакета.

– Давай, молодые бойцы, налетай! – сказала она при этом.

Надо было видеть, с какой жадностью дети поглощали еду, причем я от них не отставала. Рис с курицей, паштет, еще что-то – все это Янка, не избалованная разносолами, охарактеризовала одним словом: «Объединение!» Ника вскрыла еще несколько пакетиков, которые не требовалось разогревать.

– «Яблочное пюре», – прочитала Янка на упаковке, которую только что тщательно выскребла ложкой. Она бы наверняка еще и языком вылизала, если б никто не смотрел...

– Спасибо, тетя Ника, – сытая и довольная, вежливо поблагодарила она.

– Не «тетя Ника», а «товарищ сержант», – поправил ее Митя.

– На здоровье, боец Заяц! – улыбнулась Ника и ласково потрепала смущенную девочку по макушке.

Словом, мы все уминали армейский паек за обе щеки и при этом нахваливали, и только один Антон с кислым видом вяло ковырялся в контейнере, меланхолично прихлебывая свой компот.

– Что, невкусно? – спросила я.

– Боюсь, что мне такое нельзя... – он поднял на меня свои страдальческие глаза, – у меня гастрит... и печень больная...

Я заметила, что Ника незаметно наблюдает за нашим диалогом.

– Но есть-то надо! – попробовала я переубедить Антона, который был уверен, что страдает множеством разных болезней, в большинстве своем реально не существующих.

– Да у меня и аппетита что-то нет... – тихо проблеял в ответ Антон, медленно поднося ложку ко рту, словно делал это под дулом пистолета.

– Антон, может, съешь хотя бы яйцо? – настаивала я. – С помидоркой...

– Мне противопоказан холестерин... – последовал его печальный ответ, – а помидоры немывые, наверно...

Тем временем Ника все внимательнее поглядывала на Антона, и в ее взгляде начало появляться нечто, из-за чего мне стало ясно, почему ей дали такой позывной.

– Ну хоть хлеба поешь! – уговаривала я Антона, как маленького ребенка.

– Я белый хлеб вообще не ем... – решительно замотал он головой.

– Ну тогда галету попробуй, – убеждала я его, чувствуя, что во мне проснулся какой-то спортивный азарт накормить нашего тощего хореографа.

– Я не люблю галеты... – при этих словах Антон даже поморщился, как будто я предложила ему отведать какую-то гадость.

Ника вдруг резко встала и куда-то отошла, а мы с детьми принялись за кофе. До чего же он был хорош! Крепкий, сладкий, ароматный – в магазине такого не купишь. И только Яна осталась равнодушна к этому божественному напитку – она продолжала пить компот, жмурясь от удовольствия – в нашем лагере редко наливали добавки.

И тут вернулась Ника. Она присела рядом с Антоном, и, улыбаясь настоящей улыбкой кобры, протянула ему пучок травы.

– На, угощайся! – сказала она, и все притихли, с интересом наблюдая за разыгрывающимся спектаклем.

– Что это? – пробормотал Антон, растерянно моргая.

– Ну как что – твой рацион, – ответила та совершенно нейтральным голосом, – для твоего гастрита – то что надо! Нежирно, некалорийно, без холестерина, к тому же переваривается хорошо – по крайней мере, бараны не жалуются.

Антон растерянно моргал, глядя на пучок травы, которым Ника потрясала перед его носом.

И тут на это шоу обратил внимание капитан Серегин. Он нахмурился и торопливо подошел к нам.

– Кобра, отставить! – отрубил он, – пойдем-ка побеседуем... – его тон не сулил ничего хорошего.

Ника усмехнулась, бросила траву в сторону и последовала за командиром, успев тихо прошептать Антону напоследок:

– Я тебе вот что скажу, Танцор... Ты что, думал – тут диетическая столовая при пансионате? Еще раз будешь нос от еды воротить – я тебя твою кепку сожрать заставлю!

Перепуганный Антон сидел, ошарашено озираясь, он снял свою кепку и стал мять ее – как, собственно, делал всегда в минуты замешательства. Я молчала, избегая встречаться с ним взглядом. Выходка Ники мне понравилась, хотя, наверное, и не стоило дискредитировать Антона перед детьми. А дети тоже старались не смотреть на несчастного оплеванного хореографа, и лишь только Янка подошла к нему и сказала:

– Спасибо за компот, Антон Витальевич!

– На здоровье, Яна! – просиял тот в ответ, и мне отчего-то стало немного стыдно...

Вскоре вернулась Ника и, не глядя на Антона, приступила к завершению своей трапезы.

После сытного ужина, который в этом мире логичнее было бы назвать обедом, я почувствовала себя намного лучше. Я уже не ощущала того гнетущего беспокойства, которое все время возвращало мои мысли в наш детский лагерь. Сытость поистине делает человека счастливым. Помню, одна вечно худеющая приятельница говорила мне, что еда – это наркотик. Да,

похоже, так оно и есть. Все мне теперь казалось прекрасным и захватывающим, мир – ярким, а наше будущее – небезнадежным. А вот девчонок моих разморило и они стали клевать носом – неудивительно, ведь в лагере они бы сейчас уже спали. Мальчишки, однако, были полны энергии, они, как обычно, что-то горячо обсуждали между собой.

Сладко позевывая, Янка и Ася прикорнули на пенке, которую Ника расстелила для них на слое наломанного елового лапника. Спецназовцы, за исключением часовых, после приема пищи тоже занялись блаженным ничегонеделаньем, рассевшись и разлегшись на своих пенках в тени раскидистой кроны дерева.

Но отдохнуть никому так и не удалось. Мы буквально подскочили, когда внезапно раздался треск и хруст, и тут же с ужасом увидели, как по тропке, уводящей куда-то вверх – к тому месту, откуда водопад начинал свое падение, на наш уютный пляжик с шумом и грохотом вломилось самое настоящее чудовище, отдаленно напоминавшее увеличенного в несколько раз дикого кабана. Его клыкастая голова была столь массивна и так глубоко вросла в плечи, что для того, чтобы оглядеться, этому суперкабану надо было разворачиваться всем своим телом, и эта особенность заставляла его совершать резкие и энергичные пируэты, отчего мелкие камни и куски земли летели во все стороны из-под его мощных копыт. Увидев, что место уже занято людьми, зверюга удивленно хрюкнула и с шумом обгадилась прямо там, где стояла. Порыв ветра донес до нас волну удушающего зловония, в котором мешался запах из пасти зверя и вонь его экскрементов.

В этот момент часовые открыли по нему огонь из своих бесшумно стреляющих автоматов, но пули лишь бессильно рикошетили от массивной покато́й головы, в которой, скорее всего, согласно известной поговорке, была одна лишь кость и никаких мозгов. Однако эти попадания, хоть и не сумели причинить зверю никаких серьезных повреждений, но, похоже, сильно задели его достоинство, потому что он, взревев, начал яростно вертеться на месте в поисках обидчиков, сумевших довольно чувствительно его ужалить и нанести сильный урон самолюбию...

Глазки чудовища злобно сверкали, в них была тупая животная ярость и ясно читаемое намерение уничтожить наглых пришельцев, занявших его территорию и осмелившихся так оскорбительно с ним обойтись. Не оставалось никаких сомнений, что эта зверюга, весившая, пожалуй, целую тонну, сейчас кинется на нас и растопчет своими острыми копытами... Но тут один из спецназовцев – массивный, как Шварценеггер, которого все звали Зоркий Глаз – легко, словно пушинку, подхватил свой тяжелый пулемет с примкнутой к нему патронной коробкой и, отбежав чуть в сторону, чтобы не мешали товарищи, с колена с грохотом выпустил сбоку по зверю короткую очередь из нескольких патронов. Пули попали в заднюю часть тела: брюхо и крестец. Очевидно, это было куда более мощное оружие, чем автоматы. Мы, облегченно вздохнув, увидели, как зверь тут же осел на подломившиеся задние ноги, яростно рыча от бессильной злобы и разбрасывая вокруг себя клочья слюны и пены. Перехватив свой пулемет поудобнее, Зоркий Глаз сделал еще несколько шагов и почти в упор вбил сбоку еще одну очередь в голову и грудь раненого зверя и тут же яростный рев боли сменился предсмертным визгом, перешедшим в хрип. Несмотря на то, что все эти события заняли меньше минуты, меня трясло так, что зуб на зуб не попадал.

Наконец туша дернулась в последний раз и затихла, после чего наступила гробовая тишина, нарушаемая только жужжанием какого-то насекомого, наверняка привлеченного громадной кучей навоза, и тихое всхлипывание Янки. Побледнела даже абсолютно неустрашимая Ника, хотя всего лишь несколько мгновений назад она хладнокровно выпускала в зверя пулю за пулей из своего бесшумного снайперского ружья. Драматическую паузу прервал громкой фразой на командно-административной версии русского языка, конечно же, капитан Серегин. В переводе на литературный русский звучали его слова так:

– Кто-нибудь скажет мне, во имя всего святого, что это за такая зверушка и откуда она тут взялась?

– Товарищ капитан, – нарисовался перед командиром вездесущий всезнайка Митька, на ходу приглаживая волосы; он был крайне возбужден происшествием и спешил поделиться знаниями, – эта зверушка называется энтелодоном и относится к хищным свинообразным, уже давно вымершим. Ее название переводится с латыни вроде как «зверь с острыми зубами».

– «С совершенными зубами», – поправил Димка, потирая переносицу, – я тоже читал про него в одной книге, автора не помню, а название «Черная кровь» – там он называется «рузарх», этот кабан. Это очень опасный зверь-людоед, и люди времен позднего каменного века очень его боялись, потому что не могли убить своим оружием. А древние греки как раз такого зверя называли Эрифманфским вепрем, ну, вы, наверно, знаете – это которого еще Геракл победил.

Услышав это, спецназовцы загомонили как мальчишки, а отец Александр широко перекрестился. Вот оно, лежит перед нами – натуральное доказательство того, что мы очутились в каком-то другом, совсем чужом для нас мире. Я не без гордости смотрела на две ходячие энциклопедии, стоящие передо мной, и с чувством благодарности – на бойца по имени Зоркий Глаз.

– Тихо всем! – рявкнул капитан Серегин, и все мигом примолкли. – Мы не люди времен неолита и для нашего «Печенега» этот зверь оказался вполне уязвим. Продолжай, Профессор...

– Ну, – смущенно сказал Митька, польщенный всеобщим вниманием, – такие звери обитали в Евразии и Северной Америке двадцать-тридцать миллионов лет до нашей эры и вымерли, не выдержав конкуренции со стаями псовых, потому что те охотились стаями. Это очень сильный и упорный зверь, и жрет он все подряд.

– Даже кости, – компетентно вставил Димка.

– Ага, – подтвердил Митя, – но в основном – свежее мясо, листья, даже дохлятину. А еще я читал, что это очень тупой зверь, и самоуверенный – оказывается, это правда. Ну... вот и все вроде.

Серегин, оценивающе посмотрел на остывающую тушу, малопривлекательной горой громоздящуюся чуть в стороне от нашей стоянки.

– Ты мне вот что скажи, Профессор, – задумчиво произнес он, – жрать этого... как его... эн-те... лодона можно или нет? А то сколько ветчины пропадает зря.

– Не знаю, об этом там ничего написано не было, – пожал плечами Митька, – наверное, все же можно – свинья ведь.

– Вот-вот, товарищ капитан, – сверкнула улыбкой Ника, – свинья она и в Африке свинья.

– Тогда, Кобра, – веско сказал капитан Серегин, – назначаю тебя ответственной за ужин. И чтоб все было как положено у вас, у хохлов. Свинына во всех видах – жареная, пареная, тушеная и в борще. Невзирая не на что. Зоркий Глаз, Ара и Бухгалтер тебе в помощь. Усекла?

– Так точно, товарищ капитан! – козырнула Ника и посмотрела на тех, кто был назначен ее помощниками. Неслабая им предстояла задача – выпотрошить и разделать тушу, в которой веса никак не меньше тонны. К тому же, на такой жаре мясо очень скоро должно было начать портиться и, если уж кому-то непременно хотелось отведать свининки, то действовать надо было как можно скорее.

– Товарищ сержант, – подергала Нику за рукав Янка, – мы вам с Асей тоже поможем. Мы умеем, нас учили.

– Конечно, поможем, – подтвердила Ася, – вы только скажите, что надо.

– Спасибо, девочки, – сказала Ника, обнимая Яну и Асю за плечи, – вы у нас самые-самые замечательные. Но мы, пожалуй, сами справимся. А вам надо поспать – вон как зеваете, Москву видать!

Тем, кто не был занят в разделке кабана, капитан Серегин позволил еще с полчаса отдохнуть. Я с удовольствием растянулась на тонком, но упругом матрасе, который наши друзья в камуфляже называли «пенкой». Девчонки пристроились рядом, под бочком. Да уж, в пещеру они точно не ходоки. Когда они укладывались, я сказала, что намечается вылазка, но они восприняли это без особого энтузиазма – еще бы, ведь они были совершенно без сил после потрясений сегодняшнего дня. Даже если бы они просились, я бы, пожалуй, не разрешила – подъем то довольно опасный, не такой, как в нашем мире. Янка так вообще слабенькая, совсем не спортивная, сорвется еще, не дай Бог. Пусть лучше сегодня останутся в лагере, ну а завтра посмотрим.

Антон, смешно похрапывая, забыв все свои печали и огорчения, уже нежилась в объятиях Морфея. Лежа на спине, с раскинутыми в стороны тощими руками, с надвинутой на лицо кепкой он выглядел, как подбитая птица-заморыш. Черт, что-то этот Антон постоянно у меня какие-то ассоциации вызывает, даже спящий, явно я к нему равнодушна...

Я бездумно смотрела в высокое синее небо и просто отдыхала. Я знала, что тоже пойду обследовать пещеру. Меня, как и моих маленьких подопечных, манили всякого рода тайны и загадки. Хорошо оставаться ребенком в душе и иметь здоровое любопытство ко всему неизведанному – правильно сказал один мудрец: «Ты молод, пока ты способен удивляться».

Наконец я заметила, что спецназовцы закончили свой отдых и начали деловито и без лишней суеты куда-то собираться. Конечно же, и мои мальчишки не остались в стороне от этого движения, ни на шаг не отходя от капитана Серегина, буквально глядя ему в рот. Все, что изрекал этот человек, казалось им истиной в последней инстанции. Может, это и к лучшему, пусть берут пример с него, а не с какого-нибудь дворового алкаша.

Увидев, что я смотрю в их сторону, капитан Серегин сделал мне знак рукой – иди, мол, сюда, Птица – и мои гаврики начали восторженно подпрыгивать и вопить:

– Анна Сергеевна, мы идем в пещеру!

– А ну-ка отставить крики! – сурово, но с плохо скрываемым добродушием, осадил капитан моих громогласных чертенят, – Соблюдение тишины – это одно из правил спецназа. Кто много шумит, тот долго не живет.

– Есть отставить крики, товарищ капитан! – стройным хором ответили мальчишки уже на два тона тише.

– Вот то-то же, кадеты, – произнес капитан Серегин, – Спецназ – это не только быстрота и натиск, спецназ – это полная внезапность. Нас не ждут, а мы уже здесь. Ясно, Профессор?

– Так точно, товарищ капитан, – подтвердил Митька.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.